

ЖОРЕС МЕДВЕДЕВ ● РОЙ МЕДВЕДЕВ

**НОБЕЛЕВСКИЕ
ЛАУРЕАТЫ РОССИИ**

Рой Медведев

Нобелевские лауреаты России

«WebKniga»

2015

Медведев Р. А.

Нобелевские лауреаты России / Р. А. Медведев — «WebKniga», 2015

Очередной том Собрания сочинений Жореса и Роя Медведевых составили работы, объединенные принадлежностью их героев к числу нобелевских лауреатов России. В конце августа 1968-го – через несколько дней после оккупации Чехословакии войсками Варшавского пакта – А. И. Солженицын и А. Д. Сахаров решили соединить свои усилия для содержательного протеста, который могли бы поддержать наиболее известные представители интеллигенции. Так начиналось то общее, что было в судьбах этих столь разных людей: писателя и ученого, ставших весьма значимыми личностями в политике и идеологии. В книге, посвященной творческой биографии М. А. Шолохова, речь идет об истории создания знаменитого романа «Тихий Дон», проблемой авторства которого Р. А. Медведев занимался в течение тридцати лет.

Содержание

Рой Медведев, Жорес Медведев	6
Предисловие	6
Рой Медведев. Андрей Сахаров и Александр Солженицын	7
Первые встречи	7
Бой двумя колоннами	11
Начало публичной полемики	16
Сахаров и Солженицын в 80-е годы	20
В годы перестройки	22
Две утопии	24
Две философии	26
Рой Медведев. Из воспоминаний об А. Д. Сахарове	28
Первые встречи с Сахаровым	28
А. Д. Сахаров в 1968 году. Первый «меморандум»	34
А. Д. Сахаров в 1970 году. Второй «меморандум»	38
Борьба за освобождение Жореса	40
Комитет прав человека	42
А. Д. Сахаров в 1971 году	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Жорес Медведев, Рой Медведев
Нобелевские лауреаты России:
Солженицын и Сахаров: Два пророка
«Тихий Дон» Шолохова: Загадки
и открытия великого романа**

© Жорес Медведев, Рой Медведев, 2015

© «Время», 2015

* * *

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России»*

Рой Медведев, Жорес Медведев **Солженицын и Сахаров. Два пророка**

Предисловие

Я рад представить читателю мою и Жореса книгу «Солженицын и Сахаров. Два пророка». И для меня, и для моего брата поднятые в ней вопросы – не академические вопросы и не проблемы, которые можно решать методами исторических исследований. Это была часть нашей жизни и нашей судьбы, так как мы являлись активными участниками того протестного движения, которое получило позднее не слишком удачное наименование движения диссидентов.

Участники этого движения никогда не ставили перед собой какой-то единой для всех цели, и оно происходило поэтому в разных направлениях. Для нас с Жоресом это была в первую очередь борьба за конкретные научные истины и за общую свободу научных исследований и информации. Движение диссидентов никогда не являлось массовым, и все его главные участники, как правило, знали друг друга, принимая участие в полемике и дискуссиях того времени. Мы были хорошо знакомы не только с А. Д. Сахаровым и А. И. Солженицыным, но и почти со всеми теми людьми, имена которых упоминаются в этой связи в данной книге.

В последние годы в российской печати опубликовано много документов и материалов: из архивов ЦК КПСС, КГБ СССР, из архивов Союза писателей и других организаций и учреждений, которые проясняют некоторые события общественной жизни прошлых десятилетий. В нашей книге немалое число таких документов используется и комментируется. Однако главное содержание нашей работы основано не на документах, а на наших собственных впечатлениях, суждениях и выводах. Характер и значимость большинства событий в политической истории и в истории культуры трудно определить без живой памяти людей, которую не в состоянии заменить никакие документы. Мы старались быть объективными, насколько это вообще возможно для участников общественной, литературной и научной полемики прошлых лет. Никому не дано познать всю истину и наметить на этой основе пути будущего.

Но внимательное рассмотрение событий, дискуссий и уроков прошлых лет должно все же помочь всем нам в движении по неизведанным путям.

Рой Медведев

Москва

3 декабря 2003 года

Рой Медведев. Андрей Сахаров и Александр Солженицын

Первые встречи

Андрей Дмитриевич Сахаров и Александр Исаевич Солженицын встретились в первый раз 26 августа 1968 года – через несколько дней после оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского пакта. Это событие стало потрясением для всех диссидентов, и многие искали какие-то формы, чтобы выразить свой протест.

Академик и трижды Герой Социалистического труда А. Д. Сахаров только недавно – в мае 1968 года – выступил как диссидент, обнародовав свой первый большой меморандум «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» с призывом к развитию демократии и плюрализма. Это выступление быстро принесло Сахарову известность – и в Советском Союзе, и в западных странах. Но у него еще не было почти никаких связей не только с диссидентскими группами, но и с писателями и учеными за пределами большой, но замкнутой группы ученых-атомщиков.

Солженицын получил мировую известность еще в конце 1962 года – после публикации в «Новом мире» повести «Один день Ивана Денисовича» – первой небольшой книги о сталинских лагерях, опубликованной в СССР. Тогда это было частью «десталинизации», проводимой Н. С. Хрущевым после XXII съезда КПСС, и на встречах руководителей партии с деятелями культуры не только сам Хрущев, но и «главный идеолог» партии Михаил Андреевич Суслов жали Солженицыну руку и горячо приветствовали публикацию «Ивана Денисовича».

На путь открытой оппозиции режиму Солженицын вступил лишь в мае 1967 года, обнародовав свое «Открытое письмо IV съезду Союза советских писателей» с протестом против цензуры и политических преследований писателей. В это же время был отправлен на Запад для перевода и публикации большой роман «В круге первом». У Солженицына было много друзей и знакомых среди писателей, но он держался в стороне от всех диссидентских кружков. Однако теперь, в конце августа 68-го, ни Солженицын, ни Сахаров не хотели молчать и решили как-то объединить свои усилия. В эти дни в самых разных группах возникла мысль о содержательном протесте, который могли бы поддержать несколько десятков наиболее известных тогда людей из интеллигенции.

Неожиданно очень эмоциональный, но глубокий по содержанию текст предложил кинорежиссер Михаил Ильич Ромм. Сахаров был готов подписать этот текст, но не хотел, чтобы его подпись стояла первой. По телефону он договорился о поддержке общего протеста со своим учителем и другом академиком Игорем Евгеньевичем Таммом. Знаменитый физик был в это время уже тяжело болен. Болезнь сопровождалась параличом дыхательных центров, и Тамм был подключен к аппарату «искусственное легкое». Вечером 23 августа к нему в подмосковный поселок Жуковка поехал по просьбе Сахарова физик-теоретик Борис Болотовский. Тамм поставил свою подпись, хотя и не без колебаний; у него просто не было достаточно полной информации о том, что происходит в мире. Следующую подпись Сахаров хотел получить от Твардовского, с которым еще не был знаком. Но Александр Трифонович в эти дни не появлялся даже в редакции «Нового мира» и ни с кем не встречался. Тогда Сахаров и спросил своих друзей о Солженицыне, который, как оказалось, и сам искал этой встречи.

Солженицын приехал в Москву из Рязани вечером 24 августа – для знакомства с ситуацией и поддержки общего протеста. 25 августа он встречался с разными людьми, а на следующий день с соблюдением всех правил конспирации встретился и долго беседовал с Сахаровым. Эта встреча состоялась на квартире физика Евгения Файнберга, которого Андрей Дмитриевич хорошо знал. Но Файнберг был знаком и с Солженицыным. Александр Исаевич еще раньше

искал связей с академическими физиками, у которых была репутация не только влиятельных, но и независимых людей. В этой среде Солженицын встречал и восхищение, и поддержку.

Придя к Е. Файнбергу на Зоологическую улицу, Солженицын отказался от угощения и, внимательно осмотревшись, тщательно закрыл все окна занавесками. Он хотел строго доверительной беседы один на один. Вряд ли, однако, можно было полностью скрыть сам факт такой встречи от органов КГБ, так как Сахаров в то время был не только секретным, но и охраняемым ученым. Еще в начале 60-х годов он решительно отказался от открытой охраны, но не мог воспрепятствовать скрытому сопровождению. Впрочем, Сахаров и не пытался этого делать. Он и в 1968 года, и позже старался не прибегать вообще к какой-либо конспирации – ни при встречах и беседах, ни в телефонных разговорах. Это была его принципиальная позиция, и он заранее предупреждал о ней новых знакомых. «Мне нечего скрывать», – говорил он в таких случаях. У него просто не было никаких навыков на этот счет, и он не собирался ими овладевать. Солженицын, напротив, был склонен к самой тщательной конспирации, и у него были для этого веские основания.

В любом случае, о характере и содержании весьма продолжительной беседы Сахарова и Солженицына в органах КГБ, вероятнее всего, не знали, для этого надо было заранее оборудовать квартиру Файнберга подслушивающими устройствами. Однако много позднее и Сахаров, и Солженицын сами написали об этой важной для них встрече в своих воспоминаниях. Трудно удержаться поэтому от цитат.

«Я встретился с Сахаровым в первый раз в конце августа 68-го года, – писал Солженицын, – вскоре после нашей оккупации Чехословакии и после выхода его меморандума. Сахаров еще не был выпущен тогда из положения особо секретной и особо охраняемой личности. С первого вида и с первых же слов он производит обаятельное впечатление: высокий рост, совершенная открытость, светлая, мягкая улыбка, светлый взгляд, теплогортанный голос. Несмотря на духоту, он был старомодно-заботливо в затянутом галстуке, тугом воротнике, в пиджаке, лишь в ходе беседы расстегнутом – от своей старомосковской интеллигентской семьи, очевидно, унаследованное. Мы просидели с ним четыре вечерних часа, для меня уже довольно поздних, так что я соображал неважно и говорил не лучшим образом. Еще и необычно было первое ощущение – вот, дотронься, в синеватом пиджачном рукаве – лежит рука, давшая миру водородную бомбу. Я был, наверное, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а все критиковал, опровергал, оспаривал его меморандум. И именно вот в этой моей дурной двухчасовой критике он меня и покори! – он ни в чем не обиделся, хотя поводы были, он ненастойчиво возражал, объяснял, слаборастерянно улыбался – а не обиделся ни разу,нисколько – признак большой, щедрой души. Потом мы примерялись, нельзя ли как-то выступить насчет Чехословакии – но не находили, кого бы собрать для сильного выступления: все именитые отказывались».¹

А вот что писал Сахаров:

«Мы встретились на квартире одного из моих знакомых. Солженицын с живыми голубыми глазами и рыжеватой бородой, темпераментной речью необычайно высокого тембра голоса, контрастировавшей с рассчитанными, точными движениями, – он казался живым комком сконцентрированной и целеустремленной энергии. Я в основном внимательно слушал, а он говорил – страстно и без каких бы то ни было колебаний в оценках и выводах. Он остро сформулировал, в чем он со мной не согласен. Ни о какой конвергенции говорить нельзя. Запад не заинтересован в нашей демократизации, он запутался со своим чисто материальным прогрессом и вседозволенностью, но социализм может его окончательно погубить. Наши вожди – это бездушные автоматы, они вцепились зубами в свою власть и блага, и без кулака зубов не разожмут. Я преуменьшаю преступления Сталина и напрасно отделяю от него Ленина.

¹ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 379–398.

Неправильно мечтать о многопартийной системе, нужна беспартийная система, ибо всякая партия – это насилие над убеждениями ее членов ради интересов заправил. Ученые и инженеры – это огромная сила, но в основе должна быть духовная цель, без нее любая научная регулировка – самообман, путь к тому, чтобы задохнуться в дыме и гари городов. Я сказал, что в его замечаниях много истинного, но моя статья отражает мои убеждения. Главное – указать на опасности и возможный путь их устранения. Я рассчитываю на добрую волю людей. Я не жду ответа на мою статью сейчас, но я думаю, что она будет влиять на умы»².

Оставил свои воспоминания об этой встрече и хозяин квартиры Евгений Львович Файнберг. Он писал:

«Мы с женой оставили Сахарова и Солженицына одних за накрытым столом. Я, конечно, понимал, что А. И. пришел сюда только ради встречи с Сахаровым и никто другой ему не нужен. И все же как прошлое общение, так и ощущение хозяина дома заставили меня раза два зайти к ним, один раз – принеся чай. Каждый раз, постояв минутку, я чувствовал по настроению А. И., что нужно уйти, и уходил. Они беседовали, сидя рядом, полуобернувшись друг к другу. Александр Исаевич, облокотившись одной рукой на стол, что-то наставительно вдалбливал Андрею Дмитриевичу. Тот произносил отдельные медлительные фразы и по своему обыкновению больше слушал, чем говорил. Не помню, сколько продолжалась эта беседа. Наконец они кончили и стали – по одному – уходить»³.

Какой-либо общий документ по поводу оккупации Чехословакии подготовить не удалось. В течение нескольких дней письмо с протестом переходило из рук в руки, но с одной лишь подписью академика Тамма. Потом физик Давид Киржниц отвез его к Тамму, и Игорь Евгеньевич с некоторым облегчением разорвал его. После этого все дело с коллективным протестом распалось.

Немного позже Солженицын изложил свои замечания по меморандуму Сахарова в письменной форме и передал их лично Сахарову, но не пустил в Самиздат. Это было обширное письмо на 20 с лишним страниц, и Солженицын начинал свое письмо с самых высоких похвал Сахарову, бесстрашное и честное выступление которого является «крупным событием современной истории». Солженицыну не понравилось, однако, что Сахаров осуждает в своем трактате лишь сталинизм, а не всю коммунистическую идеологию, ибо «Сталин был хотя и очень бездарный, но очень последовательный и верный продолжатель духа ленинского учения». Нет, по мнению Солженицына, и никакой «мировой прогрессивной общественности», к которой обращается Сахаров. Нет и не может быть «нравственного социализма», – «в превознесении социализма Сахаров даже и чрезмерен». Все это «гипноз целого поколения». Упускает Сахаров значение в нашей стране «живых национальных сил и живучесть национального духа», а все сводит к научному и техническому прогрессу. Нелепы и надежды Сахарова на конвергенцию, – эта перспектива конвергенции «довольно безотраднa: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? – общество, безнравственное вперекрест». Не спасет Россию и интеллектуальная свобода, как не спасла Запад, который «захлебнулся от всех видов свобод и предстает сегодня в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой». Критикуя Сахарова, Солженицын ничего, однако, не предлагал. «Упрекнут, – писал он в конце своего письма, – что, критикуя полезную статью академика Сахарова, мы сами как будто не предложили ничего конструктивного. Если так – будем считать эти строки не легкомысленным концом, а лишь удобным началом разговора»⁴.

² Сахаров А. Д. Воспоминания. М., 1996. Т. 1. С. 405–406.

³ «Он между нами жил»: Воспоминания о Сахарове. М., 1996. С. 666.

⁴ Письмо А. Д. Сахарову под заголовком «На возврате дыхания и сознания» Солженицын впервые опубликовал в сборнике статей «Из-под глыб», который собирался рядом авторов в 1973 году, но вышел в свет в ноябре 1974 года. См.: Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 9. Публицистика. Вермонт – Париж, 1981. С. 90–120.

Сахаров не стал отвечать Солженицыну, как и некоторым другим известным диссидентам и некоторым общественным деятелям Запада, которые решили письменно высказать свои замечания и пожелания автору меморандума. В 1969 году тяжелая болезнь, а затем и смерть первой жены Сахарова Клавдии Алексеевны надолго выбили его из колеи. Он почти ни с кем не встречался. Но уже в первые месяцы 1970 года Сахаров вернулся и к научной, и к диссидентской деятельности. Он активно участвовал во многих акциях правозащитного движения и познакомился со многими из его деятелей. В начале мая 1970 года состоялась и новая весьма продолжительная встреча Сахарова и Солженицына. Они обсуждали новый большой меморандум Сахарова – письмо руководителям Советского Союза Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину и Н. В. Подгорному по проблемам демократизации советского общества.

Солженицын, по свидетельству Сахарова, высказал свою оценку этого документа «гораздо более положительную и безоговорочную, чем «Размышлений». Он радовался, что я прочно встал на путь противостояния». Однако Солженицын решительно отказался от участия в разного рода кампаниях по защите людей, подвергшихся политическим репрессиям. «Я спросил его, – свидетельствовал Сахаров, – можно ли что-либо сделать, чтобы помочь Григоренко и Марченко. Солженицын отрезал: «Нет! Эти люди пошли на таран, они избрали свою судьбу сами, спасти их невозможно. Любая попытка может принести вред и им, и другим». Меня охватило холодом от этой позиции, так противоречащей непосредственному чувству»⁵.

Тем не менее в июне 1970 года и Сахаров и Солженицын независимо друг от друга публично и решительно выступили с протестом против принудительной психиатрической госпитализации Жореса Медведева, с которым оба они были знакомы еще с осени 1964 года. Это была короткая, но весьма интенсивная и успешная общественная кампания.

Осенью 1970 года Солженицыну была присуждена Нобелевская премия – четвертая для русской литературы после Ивана Бунина, Бориса Пастернака и Михаила Шолохова. Солженицын был воодушевлен, но также крайне обеспокоен масштабами поднятой против него газетной и политической кампании, крайне осложнявшей его жизнь и повседневные контакты. Он решил отказаться от поездки в Стокгольм на церемонию вручения премий и некоторое время не знал, как себя вести и что делать.

Для А. Д. Сахарова 1971 год был насыщен событиями как в его правозащитной деятельности, так и в личной жизни. Сахаров стал теперь главной фигурой в правозащитном движении, которое становилось более радикальным, чем в 60-е годы, но также подвергалось и более сильному давлению со стороны властей. А. И. Солженицын в основном завершил работу над «Архипелагом» и уже обсуждал с друзьями первую редакцию «Августа Четырнадцатого»; это был первый роман из задуманной писателем гигантской эпопеи «Красное колесо». Эта работа требовала, однако, других условий, других методов, другой организации труда и сбора материалов. Нужна была и более продуманная и развернутая концепция по истории России и революции 1917 года. Поворот к новым темам происходил не без трудностей, связанных и с творческой, и с личной жизнью, и с давлением властей. Известность Солженицына в мире росла, но сам он называл 1971 год «проходом полосы затмения, затмения решимости и действия»⁶. Солженицын отказался подписать составленное Сахаровым Обращение об отмене в СССР смертной казни. Писатель сказал, что такие акции будут мешать выполнению тех задач, за которые он чувствовал на себе ответственность. После этого Сахаров и Солженицын не встречались и не беседовали друг с другом более года.

⁵ Сахаров А. Д. Указ. соч. С. 423.

⁶ Солженицын А. Бодался теленок... С. 335.

Бой двумя колоннами

До весны 1972 года как Сахаров, так и Солженицын могли встречаться с иностранцами только случайно, и они отклоняли все предложения об интервью, с которыми к ним обращались западные корреспонденты. Этому было тогда много причин. Однако в 1972 году они оба стали искать контактов с работавшими в Москве иностранными корреспондентами: Солженицыну нужно было более активно защищаться, а Сахаров хотел расширить возможности своей правозащитной деятельности, что было трудно в то время сделать без западных средств массовой информации. Это было время разрядки, и советские власти были вынуждены как-то реагировать на западное общественное мнение.

Редкие встречи Солженицына и Сахарова с западными журналистами в 1972 году вскоре умножились. 2 июля 1973 года А. Д. Сахаров дал большое интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Улле Стенхольму, которое было опубликовано сначала в шведской газете «Дагенс нюхетер», а затем и во многих других западных газетах. Это интервью вызвало в СССР первую газетную кампанию, направленную против Сахарова. 23 августа 1973 года А. И. Солженицын дал большое интервью американскому агентству «Ассошиэйтед пресс» и французской газете «Монд», в котором он высказался, среди прочего, также в защиту Сахарова. Газетная кампания в советской прессе развернулась теперь и против Солженицына.

Многие корреспонденты, работавшие в Москве в 70-е годы, позднее написали книги о своем пребывании в СССР. И в этих книгах можно прочесть немало страниц об их общении с диссидентами, в том числе с Сахаровым и Солженицыным. Наибольший успех выпал в этой «серии» корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Хедрику Смиту, чья книга «Русские» была переведена на многие языки и получила престижную Пулитцеровскую премию. Вторая книга Х. Смита на ту же тему была написана уже в 80-е годы, и ее заголовок «Новые русские» стал нарицательным, хотя сам автор имел в виду отнюдь не бизнесменов и мафиози 90-х годов.

Вот как писал американский журналист о своей первой встрече с Солженицыным:

«Солженицын вел себя в первые минуты встречи сердечно и непринужденно. Он выглядел точно так, как на тех фотографиях, которые я видел, но казался больше и выше. Он оказался более энергичным, чем я ожидал: то и дело вскакивал со стула и со спортивной легкостью ходил по комнате. Его невероятная энергия казалась почти осязаемой. Для человека, так много выстрадавшего, он выглядел хорошо, но его лицо под внешним румянцем было отмечено неизгладимыми следами пережитого. Однако очарование длилось недолго. Как только мы перешли к цели визита, мы столкнулись с природной властностью этого человека. Позднее, когда он приглашал меня к себе, он говорил по телефону: “Это Солженицын. Мне нужно кое-что с вами обсудить”, – это говорилось таким тоном, каким мог бы приказать император: “Немедленно явитесь во дворец”. Но и теперь Солженицын вручил каждому из нас толстую пачку исписанных листов с заголовком: «Интервью с «Нью-Йорк таймс» и “Вашингтон пост”». И это действительно было готовое интервью – полностью, вопросы и ответы – все составленное Солженицыным. Я был ошеломлен. Я подумывал о том, чтобы уйти. Как я понял позже, суровые испытания, перенесенные им в лагерях, выработали в нем огромную нравственную отвагу, но и выковали также целеустремленность и ограниченность автократа»⁷.

Иным был портрет Сахарова:

«Глядя на Сахарова, трудно представить себе, что этот человек вызвал международную бурю. Его не отличает ни представительная внешность, ни властная индивидуальность, ни воинственный темперамент Солженицына. Совершенно различен и внешний вид этих двух людей. Солженицын с его мощной грудью, морщинистым красноватым лицом, натруженными

⁷ Смит Хедрик. Русские. Иерусалим, 1978. С. 770–775.

руками, бородой цвета красного дерева и пронизательными глазами оставлял впечатление физической и духовной силы. В отличие от него, Сахаров производил впечатление человека легко уязвимого. Высокого роста, слегка сутулый, с высоким лбом мыслителя и двумя прямыми седеющими волос вокруг лысины, с большими руками, не знавшими физической работы, с печальными, сострадательными глазами, этот человек кажется обращенным в себя, в свой внутренний мир; это настоящий русский интеллигент, интеллектуал до мозга костей. В его сдержанности и манере вести беседу сразу чувствовался одинокий мыслитель. Его природная склонность к уединению усилилась за двадцать лет изоляции из-за секретной работы в области атомных исследований»⁸.

Все более жесткое противостояние Солженицына и Сахарова с властями сопровождалось массовой газетной кампанией, в которой имена этих двух людей, как правило, объединялись. При этом А. Д. Сахаров, который был не просто академиком, но и лауреатом всех премий и трижды Героем Социалистического Труда, изображался обычно оторванным от жизни и от политики «простаком», тогда как об А. И. Солженицыне, уже исключенном из Союза писателей, газеты писали как о «предателе». Постепенно имена Сахарова и Солженицына стали объединяться не только в советской, но и в западной печати, а также в передачах западных радиостанций на СССР. «В мрачной обстановке Советского Союза, – говорилось в одной из передач Би-Би-Си, – Солженицын и Сахаров бросили свой вызов советским и западным руководителям. Если их заставят замолчать силой – это только докажет, что они говорят правду».

Имена Сахарова и Солженицына объединялись тогда и в материалах советского диссидентского движения. Например, Лидия Чуковская, выступая на заседании Московского отделения Союза писателей говорила: «С легкостью могу предсказать вам, что в столице нашей общей Родины в Москве неизбежны площадь имени Александра Солженицына и проспект имени академика Сахарова». Заседание было закрытым, но его материалы распространялись через Самиздат.

В сложившейся обстановке Сахаров и Солженицын должны были как-то согласовывать свои публичные заявления. В конце 1972 года они снова стали встречаться, как правило, в Жуковке, элитном поселке под Москвой. Уже с осени Александр Солженицын жил и работал здесь в домике садовника при большой даче Мстислава Ростроповича. Но здесь же стоял и удобный загородный дом Сахарова, сложенный из белого кирпича. Два таких дома были подарены Советским правительством – Игорю Тамму и Андрею Сахарову за заслуги в создании водородной бомбы.

Раньше Сахаров почти не бывал в Жуковке, и его дом стоял закрытым, потом здесь стала жить старшая дочь с семьей, но иногда приезжал и сам Сахаров. Обычно он приходил к Солженицыну со своей второй женой Еленой Георгиевной Боннэр, что вызывало раздражение писателя. Он всегда предпочитал разговоры один на один и при встречах с Сахаровым старался увлечь его одного в лес – тут же, неподалеку от Жуковки. Беседы в лесу Солженицын предпочитал и при встречах с другими людьми, полагая, что в лесу, среди деревьев и кустов никакие прослушивающие устройства не будут эффективны.

У Солженицына была теперь тоже новая семья. Его второй женой стала Наталья Дмитриевна Светлова, но она редко появлялась в Жуковке. В конце августа 1973 года Солженицын распространил свою программную статью «Мир и насилие», в которой выдвинул Сахарова кандидатом на Нобелевскую премию мира. Нобелевские лауреаты имели право на выдвижение, но должны были делать это в закрытом порядке – как эксперты. Поэтому предложение Солженицына не рассматривалось. (Как известно, Сахаров получил Нобелевскую премию мира

⁸ Смит Хедрик. Русские. Иерусалим, 1978. С. 806–807.

позже – в 1975 году, и общественная кампания в пользу такого решения, начатая Солженицыным и поддержанная позднее даже в Конгрессе США, вероятно, сыграла здесь немалую роль.)

Взаимная поддержка Солженицына и Сахарова не означала их полного согласия. Солженицын и Сахаров были слишком разными людьми по своим личным качествам, по убеждениям и мировоззрению. Детство и молодость Солженицына прошли без отца, в бедности и лишениях. Он прошел через войну, через многие годы тюрьмы, лагеря, ссылки, преодолел смертельную болезнь. Теперь он наверстывал упущенное и не хотел тратить время на лишние встречи и разговоры. Солженицын был предельно организованным и очень практичным человеком. О любой встрече с ним нужно было договариваться заранее. Он работал очень интенсивно утром и днем, предпочитая полное одиночество. Даже завтрак и обед он готовил себе сам.

Из Рязани еще в начале 60-х годов он уезжал для работы на две-три недели, а то и на месяц в одну из небольших деревенок, и эти поездки дали ему сюжет для рассказа «Матренин двор». Потом он жил в доме Корнея Ивановича Чуковского в Переделкино – по приглашению дочери умершего в 1969 году поэта Лидии Корнеевны. В летние месяцы Солженицын жил и работал в небольшом собственном летнем домике на садовом участке близ Наро-Фоминска и Обнинска. А в начале 70-х годов он обосновался в домике садовника у Ростроповича.

Постепенно Солженицын стал чувствовать себя человеком, которого избрал Господь, и все действия которого направляет или поправляет «Высшая Рука». «То-то и веселит меня, – писал он в своем литературном дневнике, – то-то и утверждает, что не я все задумываю и провожу, что я – только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять. О, дай мне, Господи, не переломиться при ударе. Не выпасть из руки Твоей!»⁹ Это чувство избранности, даже богоизбранности отражалось на отношениях писателя с другими людьми. Солженицын теперь уже не терпел возражений и окончательно утратил способность к полемике и диалогу.

Сахаров был совсем другим человеком и по жизненному опыту, и по качествам личности. Детство и юность будущего академика прошли в условиях достатка и заботы, а при работе над атомными проектами Сахаров жил на всем готовом. У него были комфортабельные квартиры в Москве и на «объекте», большой загородный дом. Однако большую часть времени он должен был работать в полной изоляции от внешнего мира и, как секретный ученый, находился под постоянной охраной.

В его большой квартире в Москве царил постоянный беспорядок. Сахаров не умел сам себя обслужить и был в высшей степени непрактичным человеком. После смерти первой жены Сахаров должен был заботиться и о судьбе трех собственных детей, и двух детей Е. Боннэр, и это создавало множество проблем. Он никогда не чувствовал себя человеком избранным, был предельно скромен. Как ученый, он испытывал сомнения, в нем не было никакой авторитарности, он был подвержен и сторонним влияниям. Ему нравилось видеть вокруг себя множество людей, он не испытывал неудобств в маленькой квартире своей второй жены и был доступен для встреч и бесед почти со всеми, кто об этом просил.

В начале 70-х годов заседания Комитета прав человека, который Сахаров основал вместе с Валерием Чалидзе и Андреем Твердохлебовым, затягивались далеко за полночь, и каждый мог здесь говорить столько, сколько хотел. Здесь нередко бывал известный математик-алгебраист Игорь Ростиславович Шафаревич, который активно участвовал в то время и в национальном, и в правозащитном движениях. Несколько раз приглашали на заседания Комитета прав человека и Солженицына, но он отказался даже от предложения стать корреспондентом этого Комитета. Идеология прав человека мало волновала Солженицына. Он предпочитал говорить об обязанностях. Главной идеей писателя становилась в 70-е годы «русская идея»

⁹ Солженицын А. Бодался теленок... С. 407–408.

и идея возврата к Богу. Это направление мысли и деятельности активно поддерживал Шафаревич. Но не Сахаров!

Атомный центр, в котором одним из научных руководителей был А. Д. Сахаров, создан на месте знаменитой Саровской пустыни, где жил и умер причисленный позднее к лику святых иеромонах Серафим Саровский. Но в конце 40-х годов здесь появились лагеря заключенных и секретные лаборатории, часть из которых была размещена в монастырских строениях. Однако Сахарову, который жил и работал на «объекте» с 1950 года, была чужда всякая религиозность, и он не мог не только принять, но и понять призывы Солженицына вернуться к Богу и покаяться перед ним.

Сахаров был достаточно равнодушен и к «русской идее». Коллектив ученых-атомщиков был интернационален, и национальные проблемы этих людей волновали очень мало. В 70-е годы проблема национальных прав интересовала Сахарова лишь в общем контексте прав человека, и положение литовцев, армян или евреев казалось ему много более трудным, чем положение русских. Поэтому Сахаров отклонил предложение Солженицына о создании какого-то совместного сборника статей и очерков о «русской идее». И. Шафаревич это предложение принял.

До начала 1974 года разногласия между Сахаровым и Солженицыным проявлялись только в беседах академика и писателя. Сахаров не вел никаких повседневных записей. Но Солженицын многие из своих встреч и бесед описывал и комментировал в своем литературном дневнике. Такой дневник ведут многие писатели, чтобы использовать позднее свои впечатления и мысли в романах, рассказах или мемуарах. В мемуарах Солженицына, опубликованных позднее, было немало восторженных отзывов о Сахарове, само появление которого в верхах советской научной элиты писатель называл «чудом». «Его дивное явление в России, – писал Солженицын, – можно ли было предвидеть? Я думаю: да. По исконному русскому расположению – должны пробирать людей раскаяние и совесть. Да, это – по-нашему! И я, например, при своем оптимизме всегда так ожидал: появятся! Появятся такие люди (я думал, их будет больше), кто презрит блага, вознесенность, богатство – и попутствует к народным страданиям. И какие возможности таились бы в таких переходах!»¹⁰

Солженицын сравнивал свои и Сахарова публичные выступления, которые широко освещались на Западе и были направлены против советских лидеров и режима, с «встречным боем двумя колоннами». Но писатель сетовал, имея в виду Сахарова, что «с соседней союзной колонной не налажено было у нас путей совета и совместных действий». Солженицын называл Сахарова в своих заметках «наивным как ребенок», «слишком прозрачным от собственной чистоты». Сахаров, по мнению Солженицына, был слишком внимательным к «добросоветчикам». Весьма двусмысленно звучало и сравнение Сахарова со «странным шаром, без мотора и бензина летящего в высоту». Крайне оскорбительно отзывался Солженицын и о всем том круге ученых и инженеров, в котором жил и работал Андрей Дмитриевич, называя их «сонмищем подкупной, продажной, беспринципной, технической интеллигенции».

«Ясность его действий, – писал Солженицын о Сахарове, – сильно отемнена расщепленностью жизненных намерений: стоять ли на этой земле до конца или позволить себе покинуть ее». Особенно резко, порой даже грубо высказывался писатель о Елене Боннэр, жене Сахарова. «Мы продолжали встречаться с Сахаровым в Жуковке, – писал Солженицын, – но не возникали между нами совместные проекты или действия. Во многом это было из-за того, что теперь не оставлено было нам ни одной беседы наедине, и я опасался, что сведения будут растекаться в разлохмаченном клубке вокруг «демократического движения»... Сахаров все более уступал воле близких, чужим замыслам»¹¹.

¹⁰ Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир, 2000, № 9. С. 144.

¹¹ Солженицын А. И. Бодался теленок... С. 387, 401, 403.

Между Сахаровым и Солженицыным росло отчуждение, и их последняя встреча состоялась 1 декабря 1973 года. Солженицыну казалось, что Сахаров сломлен и хочет добиваться отъезда из СССР за границу.

За границей оказался, однако, очень скоро не Сахаров, а Солженицын. Его выражение о «встречном бое двумя колоннами», как выяснилось позднее, вовсе не было преувеличением. В настоящее время опубликованы рабочие записи заседаний Политбюро ЦК КПСС не только за 30-е, но и за 70-е годы. Эти заседания не протоколировались и не стенографировались, и никто посторонний на заседания Политбюро не приглашался. Но одним из участников заседания велась рабочая запись, которая хранилась в одном экземпляре как совершенно секретный документ.

Из этих записей мы видим, что в 1970–1973 годы вопрос о Сахарове и Солженицыне обсуждался на Политбюро почти ежемесячно. О Солженицыне все выступавшие говорили с негодованием как о «враге народа», требуя привлечь его к самой суровой ответственности – отправить в самые далекие исправительные лагеря, посадить в тюрьму, в крайнем случае выслать за границу. Однако это были все же годы «разрядки», и окончательное решение каждый раз откладывалось. Так, на заседании Политбюро ЦК от 30 марта 1972 года. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный говорил: «Солженицын ведет враждебную деятельность. Он враг, который не может жить в Москве. Но я считаю, что и высылать его за границу не следует. Я думаю, что его не следует выдворять. Он лауреат Нобелевской премии, и это, конечно, буржуазная пропаганда использует против нас в полной мере. За границей Солженицын принесет нам большой вред. Но в Советском Союзе есть такие места, где он не сможет ни с кем общаться». На другом заседании советский премьер Алексей Косыгин предложил сослать Солженицына в Верхоянск – в самый холодный район страны, куда ни один западный корреспондент не сможет и не захочет поехать.

Об А. Д. Сахарове говорили все же по-другому. Тот же Подгорный: «Что касается Сахарова, то я считаю, что за этого человека нам нужно бороться. Он другого рода человек. Это не Солженицын. Об этом, кстати, просит и тов. Келдыш [президент Академии наук. – Р. М.]. Все же Сахаров трижды Герой Социалистического труда. Он создатель водородной бомбы. Я считаю, что обсуждение, которое сегодня развернулось на заседании, является очень полезным»¹². Еще через полтора года – в августе 1973 года, отметив, что в поведении Солженицына и Сахарова не произошло никаких «улучшений», а Солженицын стал «развертывать активную политическую деятельность, объединяя вокруг себя всех бывших заключенных и недовольных», Политбюро рекомендовало начать против Солженицына уголовное дело и «предъявить ему обвинение в преступлении против Советской власти».

Что же касается Сахарова, то Политбюро рекомендовало начать публикацию разного рода писем «от имени ученых и интеллигенции» с осуждением его поведения. А председатель КГБ Юрий Андропов попросил Косыгина пригласить к себе Сахарова и поговорить с ним, на что премьер советского правительства ответил согласием¹³. Эта беседа не состоялась. А Солженицын после издания за границей первого тома «Архипелага ГУЛАГа» был арестован, лишен советского гражданства и выслан из Советского Союза в ФРГ.

Сахаров узнал об аресте Солженицына вечером 12 февраля 1974 года и тотчас, бросив все дела, поехал на квартиру его жены Н. Светловой. В эту зиму Солженицын жил в ее квартире большую часть времени, хотя московские власти и отказывались его здесь прописывать. Здесь уже находились Игорь Шафаревич, Лидия Чуковская, Юлий Даниэль, Вадим Борисов, Наталья Горбаневская и другие правозащитники или друзья Солженицына. Прямо по телефону Саха-

¹² Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 215.

¹³ Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 246.

ров сделал заявление для канадского радио и телевидения; оно было распространено и многими другими средствами массовой информации:

«Я говорю из квартиры Солженицына. Я потрясен его арестом. Здесь собрались друзья Солженицына. Я уверен, что арест Александра Исаевича – месть за книгу, разоблачающую зверства в тюрьмах и лагерях. Если бы власти отнеслись к этой книге как к описанию прошлых бед и тем самым отмежевались от этого позорного прошлого, можно было бы надеяться, что оно не возродится. Мы воспринимаем арест Солженицына не только как оскорбление русской литературы, но и как оскорбление памяти миллионов погибших, от имени которых он говорит. 12 февраля 1974 года. 22 часа»¹⁴.

Еще в течение нескольких дней А. Сахаров выступал с эмоциональными заявлениями по поводу высылки Солженицына. 24 февраля 1974 года на вопрос корреспондента одной из миланских газет: «Является ли изгнание Солженицына непоправимой потерей для демократического движения?», – Сахаров ответил: «Солженицын – писатель, его подвиг и дело жизни – литературное творчество, ослепительным светом освещающее нашу жизнь, наши язвы, исторические корни несчастий страны и пути ее возрождения, как он их понимает. Именно в писательском труде в основном заключается его роль в нашем демократическом движении, порожденным глубокими причинами исторического, социального и нравственного характера. Эта роль не зависит от того, где Солженицын живет и пишет. Отрыв от родной почвы, от родного языка – трагедия для любого человека, в особенности для писателя. Но я уверен, что Солженицын, человек исключительного мужества, найдет в себе силы не замолкнуть, а полностью использовать те возможности, которые предоставит ему жизнь на Западе, со свободным доступом ко всем источникам информации, для продолжения своего дела»¹⁵.

Протесты по поводу ареста и высылки Солженицына из Советского Союза продолжались до конца февраля. Вскоре они сменились полемикой, но уже не с властями, а с самим Солженицыным, что было вызвано рядом его заявлений и публикаций.

Начало публичной полемики

В первые месяцы вынужденной эмиграции Солженицын обосновался в Швейцарии, в Цюрихе. Писатель развил здесь чрезвычайно активную деятельность. Одно за другим появлялись в печати его заявления, письма, эссе и статьи, многие из которых были подготовлены еще в СССР. В кругах диссидентов стали известны такие его работы, как «Жить не по лжи», «Не сталинские времена», «Ответы журналу “Тайм”». Была издана отдельной книгой серия глав о Ленине из «Красного колеса» – «Ленин в Цюрихе». Вышел в свет сборник статей «Из под глыб», составителем и главным автором которого являлся сам Солженицын. Солженицын написал предисловие и помог быстрому изданию книги «Стремя “Тихого Дона”» о проблеме авторства известного романа «Тихий Дон». Но наибольший отклик в Советском Союзе вызвал первый большой политический меморандум Солженицына – «Письмо вождям Советского Союза».

Это письмо было написано и отправлено в Кремль еще в Москве, но тогда писатель решил не предавать его гласности. Лишь через 20 лет подлинник этого письма был обнаружен в архиве Политбюро с пометками его членов. Эти пометки свидетельствовали, что сам генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев прочитал письмо Солженицына в октябре 1973 года и вновь просматривал его в декабре того же года. Читали это письмо и другие члены кремлевского руководства. Конечно, никакого ответа на свое письмо Солженицын не получил, да и вряд ли он на это рассчитывал. Теперь он решил свое письмо опубликовать.

¹⁴ Слово пробивает дорогу: Сб. материалов. М., 1998. С. 456.

¹⁵ Жить не по лжи: Сб. материалов. Париж, 1975. С. 191.

Полный текст «Письма вождям» был опубликован на русском языке в еще небольшой брошюре в Париже в марте 1974 года. Очень скоро появились переводы этого письма на другие языки. Среди диссидентов этот программный меморандум Солженицына вызвал оживленную и почти публичную полемику. Специальную статью с возражениями опубликовал в западной печати и в «самиздате» в апреле 1974 года и А. Д. Сахаров. Западная печать уделяла возникшей полемике большое внимание. Самые крупные газеты США и Западной Европы помещали на эту тему обширные обзоры. Над одним из таких обзоров в «Нью-Йорк таймс» был крупный заголовок: «Над башнями Кремля». Естественно, что наибольшее внимание в диссидентских кругах и в западной печати привлек спор Солженицына и Сахарова. Андрей Сахаров поддерживал многие критические высказывания Солженицына по поводу советской действительности, а также многих событий советской истории. Солженицын – это «один из самых выдающихся писателей и публицистов современности, в произведениях которого выражена глубоко выстрадавшая авторская позиция по важнейшим социальным, нравственным и философским проблемам. Особенная, исключительная роль Солженицына в духовной истории страны связана с бескомпромиссным, точным и глубоким освещением страданий людей и преступлений режима, неслыханных по своей массовой жестокости и сокрытости». Однако Солженицын ошибается, когда он особо выделяет страдания и жертвы именно русского народа. И ужасы гражданской войны и раскулачивания, голод и репрессии сталинского времени, – все это в равной степени коснулось и русских и нерусских народов. Неслыханно жестокие репрессии миллионов вернувшихся из плена людей и преследования верующих – все эти беды также обрушились на всех подданных советской державы.

«А такие акции, как насильственная депортация – геноцид, как борьба с национальными движениями и подавление национальной культуры – это даже в основном привилегия именно нерусских!» Решительно возражал Сахаров и против попытки Солженицына определить марксизм как «западное антирелигиозное учение, которое исказило здоровую русскую линию развития». «Для меня вообще, – заявлял Сахаров, – разделение идей на “западные” и “русские” непонятно и неприемлемо». Идеи можно разделять только на ошибочные и верные. «И где та здоровая русская линия развития? Неужели был хоть один момент в истории России, когда она могла развиваться без противоречий и катаклизмов?»

Солженицын, по мнению Сахарова, преувеличивал опасности советско-китайского конфликта. При всех идеологических разногласиях ни в Китае, ни в СССР нет таких политических лидеров, которые могли бы решиться на развязывание войны между нашими странами. Это был бы самоубийственный шаг и для СССР, и для Китая. Поэтому переоценка китайской угрозы – это плохая услуга делу демократизации и демилитаризации нашей страны. Солженицын преувеличивает роль идеологии в СССР, а также опасности урбанизации и технического прогресса. Сахаров считал порочными и неприемлемыми предложения Солженицына о сохранении и в будущей России умеренного авторитарного строя, при котором Россия жила столетиями, «сохраняя свое национальное здоровье».

«Эти высказывания Солженицына, – писал Сахаров, – мне чужды. Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития. Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам, инородцам и иноверцам, я считаю величайшей бедой, а не национальным здоровьем. Лишь в демократических условиях может выработаться народный характер, способный к разумному существованию во все усложняющемся мире».

Сахаров считал невозможным интенсивное освоение северных и восточных земель России силами одной русской нации, предложенное Солженицыным. В условиях холода и бездорожья решить эту проблему можно только при международном экономическом сотрудничестве, изоляционизм здесь вдвойне ошибочен. Предложение Солженицына об отказе от больших городов, о жизни небольшими общинами, о замене крупных производств небольшими пред-

приятными Сахаров называл мифотворчеством, нереальным, даже опасным. «Особенно неточным, – замечал Сахаров, – представляется мне изложение в письме Солженицына проблемы прогресса. Прогресс – общемировой процесс. Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции, без мировой торговли, в том числе и без торговли природными богатствами страны, в отрыве от мирового научно-технического прогресса, который представляет не только опасность, но одновременно и единственно реальный шанс спасения человечества. Прогресс не тождественен количественному росту крупного и промышленного производства. В условиях научного и демократического общемирового регулирования экономики и всей общественной жизни, включая динамику народонаселения – а это, по моему глубокому убеждению, не утопия, а настоятельная необходимость – прогресс должен непрерывно и целесообразно менять свои конкретные формы, обеспечивая потребности человеческого общества, обязательно сохраняя природу и землю для наших потомков. Замедление научных исследований, международных научных связей, технологических поисков, поисков новых систем земледелия – может только отдалить решение этих проблем и создать критические ситуации для мира в целом»¹⁶. Необходима поэтому не изоляция, а сближение с Западом. «Солженицын – это гигантская фигура в борьбе за человеческое достоинство, но некоторые черты его мирозерцания представляются мне ошибочными», – завершал свою статью Сахаров.

Солженицын внимательно прочел статью Сахарова и ответил на нее отдельной статьей «Сахаров и критика “Письма вождям”». Эта статья была включена в упомянутый сборник теоретических и религиозно-философских работ «Из-под глыб». Изданию сборника, значительную часть которого составляли статьи самого Солженицына, писатель придавал большое значение. По стилю, характеру и содержанию он продолжал традицию известного в истории российской общественной мысли сборника статей «Вехи», который был издан в 1909 году в Москве группой российских религиозных философов и публицистов. Тема «Вех» была продолжена в 1918 году изданием гораздо менее известного сборника «Из глубины».

Солженицын замечает в своей статье, что «Письмо вождям» встретило и в России, и на Западе немалую критику, на которую он не собирался реагировать. «И не пришлось бы мне вовсе отвечать, если бы среди первых же критиков не оказался А. Сахаров, чье особенное положение в нашей стране и мое к нему глубокое уважение не дают возможности игнорировать его высказывания». «Я счастлив отметить, – отмечал Солженицын, – что сегодня мы сходимся с ним несравненно по большему числу вопросов, чем это было 6 лет назад, когда мы познакомились в самые первые месяцы появления его меморандума. Я хочу надеяться, что еще через шесть лет область нашего совпадения удвоится»¹⁷.

Переходя к разногласиям, Солженицын в первую очередь повторял свои обвинения в адрес марксистской идеологии, которая «выкручивает наши души как поломошные тряпки, растлевает нас и наших детей, опускает нас ниже животного состояния – и она «не имеет значения»? Да есть ли что более отвратительное в Советском Союзе? Если все не верят и все подчиняются – это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу ее»¹⁸. Ядом этой идеологии отравлены правители Советского Союза, они рабы Идеологии, они «безумно стремятся поджечь весь мир и захватить его, хотя это погубит и сокрушит их самих, – но так гонит их Идеология!». Ее мистическая сила ослепляет и восхищает даже Запад и весь просвещенный мир.

Второе заметное расхождение, которое отмечает Солженицын, – это вопрос о темпах и масштабах демократизации в СССР. Быстрая демократизация в СССР, по мнению

¹⁶ Сахаров А. Д. О стране и мире. Нью-Йорк, 1976. С. 109–120.

¹⁷ Из-под глыб. Париж, 1974. С. 216.

¹⁸ Из-под глыб. Париж, 1974. С. 217.

Солженицына, опасна, так как межнациональные противоречия, «десятикратно накаленные, чем в прежней России», разорвут страну и «затопят кровью рождение у нас демократии, если оно произойдет в отсутствие сильной власти»¹⁹. Остальные расхождения, в том числе по проблемам прогресса, об освоении Северо-Востока, о судьбе городов и крупных производств, даже о национальных проблемах Солженицын не стал разбирать, оценивая их как второстепенные и к тому же основанные на плохом понимании взглядов и предложений писателя. «Нельзя не удивиться, – писал Солженицын, – что А. Д. Сахаров, севши мне отвечать, допустил большую небрежность в истолковании моей точки зрения. Эта горячность и опрометчивость пера, не свойственная Сахарову, выразила горячность и поспешность того слоя, который без гнева не может слышать слов “русское национальное возрождение”»²⁰.

Было, однако, очевидно, что поспешность и горячность суждений имели место в этой дискуссии и с той, и с другой стороны.

Разногласия по общим проблемам развития СССР и России, которые возникли между Сахаровым и Солженицыным в начале 70-х годов, осложнились с осени 1974 года и некоторыми личными обидами. Дело в том, что через несколько месяцев после высылки из страны Солженицын опубликовал в Париже на русском языке свои мемуары «Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни». Многие страницы этой книги были посвящены А. Д. Сахарову. Новая книга Солженицына по разным каналам попадала в Москву, и диссиденты, а также писатели читали ее по очереди. Прочел эту книгу и Сахаров, – еще за несколько недель до того, как один из немецких корреспондентов передал ему экземпляр «Теленка» с очень лестной дарственной надписью автора. Но эта надпись не могла тронуть Сахарова, так как книгу он уже читал и был лично очень задет и обижен, о чем сказал и немецкому корреспонденту.

Для тех, кто знал Сахарова, его раздражение было понятно. Он был всегда совершенно равнодушен к нападкам и обвинениям в свой адрес, но крайне болезненно реагировал на все обвинения в адрес своей жены и своей новой семьи, сознавая, что он невольно является виновником всех этих неприятностей близких ему теперь людей. Его реакция была нередко неадекватной: в конце 70-х и в начале 80-х годов он несколько раз прибегал даже к голодовкам, и поводом к ним были не его собственные проблемы, а проблемы жены и ее родственников. Но Сахаров переживал их сильнее своих проблем.

Обида Сахарова на Солженицына была настолько сильной, что уже через много лет в книге своих воспоминаний, над созданием которой он начал работать во время ссылки в Нижнем Новгороде (тогда гор. Горький), он попытался ответить на многие упреки или даже намеки Солженицына, посвятив этому отдельную главу. Автор воспоминаний решительно отвергает слова Солженицына о принадлежности Елены Боннэр и самого себя к «разлохмаченным клубкам» диссидентских кружков. Саму оценку своей деятельности как «встречного боя» он называл неудачной. Сахаров защищает свое представление о праве на эмиграцию как о важнейшем из демократических прав. Этот тезис Сахаров защищал особенно упорно, может быть, потому, что он вызывал возражения не только у Солженицына, но и у многих других диссидентов...

Право на эмиграцию не могло быть для нас главным хотя бы потому, что оно предполагает не только свободу выезда из своей страны, но и свободу въезда в какую-то другую страну. Очень многое в этой заочной полемике и со стороны Солженицына, и со стороны Сахарова представляется весьма мелочным и субъективным. Оба мемуариста сообщают нам о своих разговорах наедине, но совсем в разных редакциях. В ряде случаев речь идет о разговорах и спорах жен Солженицына и Сахарова, которые каждый из мужей излагает в своей версии. Комментировать все это не имеет смысла.

¹⁹ Из-под глыб. Париж, 1974. С. 218.

²⁰ Из-под глыб. Париж, 1974. С. 219.

«Мне обидно, – писал, подводя итоги своим разногласиям с Солженицыным А. Д. Сахаров, – что Александр Исаевич, гонимый своей целью, своей сверхзадачей, так много не понял или, вернее, не захотел понять во мне и моей позиции в целом, не только в вопросе об эмиграции, но и в проблеме прав человека, и в Люсе, в ее истинном образе и ее роли в моей жизни. Я совсем не ангел, не политический деятель, не пророк. Мои поступки и моя эволюция – это не результат чуда, а влияние жизни, в том числе влияние людей, бывших рядом со мной, называемых “сонмищем продажной интеллигенции”, влияние идей, которые я находил в книгах»²¹.

После чтения «Теленка» Сахаров утратил интерес к полемике с Солженицыным, хотя его и пытались подтолкнуть к ней некоторые из диссидентов. Уже в начале 1975 года Солженицын в нескольких интервью попытался вернуться к своим спорам с Сахаровым. Но Андрей Дмитриевич не поддержал этой полемики. В своей работе «О стране и мире», которая была закончена в июне 1975 года, он заметил, что не видит поводов для продолжения начатой им с Солженицыным дискуссии. В течение 10 лет – с конца 1975 и до конца 1985 года Сахаров в своих выступлениях практически ни разу не упоминал о Солженицыне.

Но и Солженицын почти перестал в своих публичных выступлениях упоминать имя А. Д. Сахарова. В октябре 1975 года он опубликовал приветственное заявление в связи с присуждением Сахарову Нобелевской премии мира. В 1977 году в своем кратком приветствии «Сахаровским слушаниям» в Риме Солженицын написал об «осаде и травле гоевского масштаба», которой подвергается человек, давший имя этим слушаниям. В мае 1981 года Солженицын отправил из Вермонта в США телеграмму в Горький ссыльному Сахарову по случаю его 60-летия. «Желаю Вам, – писал Александр Исаевич, – чтобы вопреки насилию ссылка оказалась бы для Вас духовно плодотворна и открыла бы Вам новые глубины в служении своему народу. Обнимаю Вас. А. Солженицын»²².

Не знаю, получил ли эту телеграмму Сахаров; он находился тогда в полной почтовой изоляции, и сотни телеграмм, которые приходили в Советский Союз из многих стран на имя Сахарова, читали только в здании на Лубянке в Москве.

Сахаров и Солженицын в 80-е годы

В январе 1980 года Андрей Дмитриевич Сахаров был арестован прямо на улице и препровожден в Генеральную прокуратуру СССР. Здесь ему зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении его всех государственных наград и почетных званий. Одновременно Сахарову сообщили, что руководство страны приняло решение о высылке Сахарова из Москвы в место, «исключающее его контакты с иностранными гражданами». Уже через несколько часов под охраной группы работников КГБ, возглавляемой генерал-полковником С. Цвигуном, Сахаров был отправлен на самолете в Горький, где ему предстояло жить в полной изоляции шесть с лишним лет. Посещать его здесь могли только жена – Елена Георгиевна Боннэр, дети от первого брака, а также некоторые из сотрудников Физического института Академии наук, где А. Д. Сахаров продолжал числиться научным сотрудником.

Сахаров не переставал работать и в ссылке. Сферой его профессиональных интересов была теперь космогония, и специалисты оценивали гипотезы Сахарова в этой области очень высоко. Сахаров начал писать и свои воспоминания. Иногда ему удавалось прорвать блокаду и высказать свое мнение по общественно-политическим и международным проблемам. Взгляды Сахарова в этот период сильно радикализировались. Он уже не находил ничего хорошего в советском социализме и призывал Запад усиливать давление на СССР – и не только в торговле, но и в военной области.

²¹ Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 572–578.

²² «Русская мысль», 21 мая 1981 года.

Сахаров даже упрекал США в прекращении их войны во Вьетнаме, которую можно было бы выиграть, приложив для этого более решительные военные и дипломатические усилия. В 1983 году Сахарову удалось передать письмо американскому физикау Сиднею Дреллу, которое было опубликовано в летнем номере американского внешнеполитического журнала «Foreign Affairs». Возражая Дреллу, Сахаров писал, что США не должны замораживать даже свои ядерные вооружения, но, напротив, им надо расширять производство и установку новых крупных ракет. По этому поводу не только газета «Известия», но и газета «Вашингтон пост» выразила недоумение, заметив, что позиции Сахарова «приближаются к позиции Солженицына».

Солженицын прочел эту газетную и журнальную полемику и в своем литературном дневнике с некоторой долей злорадства записал: «Проявить такую смелость изнутри СССР, да из ссылки! – и получить оплеухи с обеих сторон»²³.

Сам Солженицын, оказавшись в США, мог излагать свои взгляды открыто и громко, он объехал с разного рода выступлениями почти все западные страны. Он критиковал в этих выступлениях всех – и Запад, и Советский Союз, и нейтральные или неприсоединившиеся страны. Писатель крайне резко отзывался и о советских лидерах, и обо всех наиболее видных деятелях «третьей эмиграции», в том числе о своих недавних соратниках по лагерной жизни и по работе в Москве. Однако он воздерживался и от похвал, и от критики в адрес Сахарова. Только в Японии на «круглом столе» в редакции газеты «Йомури» Солженицын попытался объяснить своим собеседникам существо своих разногласий с Сахаровым. При этом взгляды Сахарова Солженицын изложил весьма неточно, назвав их при этом «бестолочью». (Впрочем, и Организацию Объединенных Наций писатель назвал «балаганом».)

Один из родственников Елены Боннэр, Ефим Янкелевич, которому А. Д. Сахаров поручил представлять его интересы в США, опубликовал по этому поводу в русской эмигрантской печати «Открытое письмо», указав не только на искажение взглядов Сахарова, но и на то обстоятельство, что Сахаров находится в ссылке и не может должным образом участвовать в этой полемике. Солженицын вынужден был ответить Янкелевичу – без обычной своей резкости. «Вот ведь еще ж и хрупкость какая, – записал он в своем литературном дневнике, – Сахаров в ссылке, его и коснуться нельзя»²⁴.

Литературный дневник Солженицына за 80-е годы под названием: «Угодило зернышко промеж двух жерновов» начал по частям публиковать журнал «Новый мир» в 1998 году; эти публикации были продолжены в 2000 и в 2001 годах. Многие страницы этого дневника за 1981–1986 годы полны откликов о Сахарове. Солженицын считал нужным изложить здесь даже свою версию биографии Сахарова и мотивов его поведения.

Писателю, как мы видим, крайне не нравится атеизм Сахарова. «В атеизме же – он прочен, тут он – верный наследник дореволюционной интеллигенции». Не разделяет Солженицын и сахаровскую концепцию прав человека. Эту правозащитную идеологию Солженицын называет даже одной из форм анархизма: «Надо же помнить и о целом, об обязанностях каждого, о правах государства». Но особенно возмущала Солженицына упорная защита Сахаровым права на эмиграцию, как главного из всех прав человека; это и многим из нас было непонятно.

«Да, – писал Солженицын в литературном дневнике в 1982 году, – сегодняшний Сахаров достаточно много видит в советской жизни, он не кабинетный удаленец. И – какую же вопиющую боль, какую страстную безотложную нужду он возносит правее и выше всех болей и нужд раздавленной, обескровленной, обеспамятенной и умирающей страны? Право дышать? Право есть? Право пить чистую воду, и не из колодцев прошлого века и не из отравленных рек? Право

²³ «Новый мир», 2000, № 12. С. 143.

²⁴ «Новый мир», 2000, № 12. С. 143.

на здоровье? Рожать здоровых детей? Нет! Первейшим правом – он объявляет право на эмиграцию! Это – сотрясательно, поразительно, это можно было бы считать какой-то дурной оговоркой – если бы Сахаров не произнес и не написал бы этого многожды»²⁵.

Сахаров, по мнению Солженицына, идеализирует Запад и совершенно не понимает национальных проблем России. «Развиваясь душевно и выстраивая всечеловеческие проекты, Сахаров dokonечно выполняет свой долг перед демократическим движением, перед “правами человека”, перед еврейской эмиграцией, перед Западом – но не перед смертельно больной Россией. Многих истинных проблем России он не поднимает, не защищает так самозабвенно и горячо. Он показывает на высоком взносе возможности русской совести – но будущее наше он рисует безнационально, в атрофии сыновнего чувства. От нашего тела рожден замечательный, светлый человек, но весь порыв своей жертвы и подвига он ставит на службу – не собственно родине. Как и для всех февралистов: Сахарову достаточно свободы – а Россия там где-то поблекла»²⁶.

«Казалось бы, – заключает свои рассуждения о Сахарове автор мемуаров, – сколько объединяет нас с Сахаровым: ровесники, в одной стране; одновременно и бескомпромиссно встали против господствующей системы, вели одновременные бои и одновременно поносились улюлюкающей прессой; и оба звали не к революции, а к реформам. А разделила нас – Россия»²⁷.

В годы перестройки

Во второй половине 1985 и в 1986 году положение А. Д. Сахарова в ссылке ухудшилось, и 10-летие присуждения Нобелевской премии мира он встретил в больнице, куда был помещен в связи с очередной голодовкой. Врачи предупредили и руководство Академии наук, и органы КГБ, что состояние здоровья ссыльного академика вызывает у них серьезные опасения.

Между тем в западных странах усиливалось общественное движение в защиту Сахарова. Новый Генеральный секретарь ЦК Михаил Горбачев поручил своим помощникам разобраться в «деле Сахарова», но затем решил и сам вмешаться в ход событий. И 14 декабря 1986 года в горьковской квартире Сахарова неожиданно установили телефон. 15 декабря исчезла постоянно находившаяся возле квартиры охрана, а 16 декабря опальному академику позвонил сам Горбачев, который сообщил Сахарову о прекращении его ссылки и о помиловании его жены Елены Боннэр, которая еще в 1984 году была осуждена на пять лет ссылки. «Возвращайтесь к патриотической работе», – сказал Сахарову Горбачев.

Андрей Дмитриевич вернулся в Москву 23 декабря 1986 года; на Ярославском вокзале его встречали многочисленные правозащитники, представители Академии наук и более 200 иностранных корреспондентов. В коротком выступлении перед собравшимися Сахаров сказал, что он будет продолжать свою правозащитную деятельность и бороться за прекращение войны в Афганистане. Но Сахаров возобновил и свою научную работу, и его первое появление на одном из академических научных семинаров было встречено аплодисментами присутствующих.

О событиях 1986-го и первых месяцев 1987 года Солженицын писал в дневнике в июне – июле 1987 года. Освобождению Сахарова и других политических заключенных здесь посвящен раздел «Теплый ветерок»²⁸. «С осени 1986, – записывал Солженицын, – прокалывали наших бостонских друзей самые возбужденные звонки из Москвы: поверьте, что-то совсем новое! Делается! Затаенная радость, ладонями удерживай как птенчика. И вдруг в декабре – снятие

²⁵ «Новый мир». 2000, № 9. С. 146.

²⁶ «Новый мир». 2000, № 9. С. 151.

²⁷ «Новый мир». 2000, № 9. С. 153.

²⁸ «Новый мир», 2001, № 4. С. 124–141.

ссылки с Сахарова. И возвращение его в Москву без препятствования западным корреспондентам снимать и опрашивать о чем угодно, столько угодно! И он, молодчина, требует освобождения политзэков и ухода из Афганистана. Держит и дистанцию от Горбачева... По понятиям Запада – почти революция! Расчет Горбачева очень верен: Западу видится доказательно: если Сахарова освобождают из ссылки – Советский Союз будет отныне с человеческим лицом!»

Нет необходимости рассказывать здесь о той большой научной, общественной и правозащитной деятельности, которую А. Д. Сахаров возобновил и активно вел в 1987 и в 1988 годах. Он принял участие в создании Международного фонда за выживание и развитие человечества и был избран одним из директоров этой весьма благородной по замыслу, но громоздкой и неэффективной организации. Заседания Фонда должны были происходить, согласно Уставу, в СССР и в США поочередно, и по решению Политбюро ЦК и Совета Министров СССР были сняты все прежние запреты на поездки Сахарова за границу. Сахаров сам не ожидал столь быстрого и положительного решения, которое было принято по просьбе академика Е. П. Велихова и под поручительство академика Ю. Б. Харитона.

Летом 1988 года после продолжительной и энергичной массовой кампании в Советском Союзе было учреждено Межреспубликанское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал». Кроме Оргкомитета этого общества путем опроса жителей разных городов прямо на улице был сформирован Общественный совет «Мемориала», в который по большинству голосов вошли 15 наиболее популярных тогда среди демократической общественности деятелей, включая А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова. Сахаров принял это известие как большую для себя честь, а Солженицын отказался от участия в работе «Мемориала», прислав на этот счет вежливую, но категоричную телеграмму. «Мемориал», кстати, был первой организацией, от имени которой Сахаров был выдвинут кандидатом в Народные депутаты СССР.

6 ноября 1988 года Сахаров впервые в своей жизни выехал за границу – в США. Он встретился здесь с уходящим на пенсию президентом Рональдом Рейганом и с только что победившим новым президентом США Джорджем Бушем, а также с премьером Великобритании Маргарет Тэтчер. Весьма знаменательной и даже символичной была встреча Сахарова с создателем американской водородной бомбы Эдвардом Теллером. Эта встреча не была заранее подготовлена. Теллер праздновал 80-летие, и его друзья устроили в Вашингтоне в его честь большой прием. Сахарова не было среди 200 приглашенных – все в парадных туалетах. Он появился неожиданно для юбиляра и попросил о беседе. Двое ученых уединились на 15 минут. Они говорили главным образом о проблеме «Стратегической оборонной инициативы» (т. е. противоракетной обороне), но в своих воспоминаниях об этой беседе каждый изложил свою версию, которые очень разнятся. И было много фотографий, которые обошли мировую печать...

В декабре 1988 года из гостиницы в американском городе Ньютон Сахаров позвонил Солженицыну в его дом в штате Вермонт, чтобы поздравить его с 70-летием. Жена Солженицына, подняв трубку, сказала сначала, что писатель никогда не подходит к телефону, но все же позвала мужа, и он взял трубку. Разговор коснулся и судьбы созданного в Союзе общества «Мемориал», почетным председателем которого был избран Сахаров, в Совет которого отказался войти Солженицын.

Доводы Солженицына не показались Сахарову убедительными. Сахаров напомнил Солженицыну, что тот глубоко обидел в «Теленке» как самого академика, так и его жену. «Она совсем не такой человек, каким вы ее изобразили», – сказал Сахаров. «Хотел бы верить, что это не так», – ответил после некоторого молчания Солженицын²⁹.

Сахаров не счел эти слова достаточным извинением. Больше эти два человека друг с другом не общались, хотя Сахаров поддержал в 1989 г. два обращения советской общественно-

²⁹ Сахаров А. Воспоминания. Т. 2. С. 336.

сти – о возвращении Солженицыну советского гражданства и о необходимости опубликовать в Советском Союзе «Архипелаг ГУЛАГ».

Две утопии

Еще в начале 1974 года американский журнал «Сатердей ревью» попросил А. Д. Сахарова изложить свой прогноз на положение в мире, – каким оно может стать через 50 лет, то есть в 2024 году. Свой очерк на эту тему «Мир через полвека» Сахаров написал в мае 1974 года, и тогда же он был опубликован в переводе на английский. В 1976 году этот же очерк был включен в сборник произведений Сахарова «О стране и мире», который Валерий Чалидзе издал в Нью-Йорке. В 1989–1990 годах очерк Сахарова несколько раз публиковался и в СССР³⁰.

Со времени написания очерка «Мир через полвека» прошло уже почти 30 лет, более половины срока. Весьма интересно поэтому снова прочесть этот текст и сравнить его с реальным положением в мире на сегодняшний день.

Одно из предсказаний академика Сахарова – создание не только всемирной телефонной и видеотелефонной, но также всемирной информационной связи – осуществляется даже быстрее, чем он думал, благодаря персональным компьютерам и Интернету. Сахаров предполагал, что для создания всемирной информационной системы 50 лет недостаточно, но она начала создаваться уже в 80-е годы.

Но другие предсказания Сахарова – разделение всей Земли на «Рабочую территорию» в 30 миллионов квадратных километров и «Заповедную территорию» в 80 миллионов квадратных километров, создание сверхгородов с многоэтажными домами-горами, с искусственным климатом и искусственным комфортом, с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, с благополучными и чистыми пригородами со сверхинтенсивным сельским хозяйством, с «летающими городами» на искусственных спутниках, а также с подземными городами, предназначенными для сна, развлечений, для обслуживания подземного транспорта и добычи полезных ископаемых и т. п. – все это, кажется, никто даже не готовится реализовать. Не происходит пока и превращения ООН и ЮНЕСКО в какое-то мировое правительство, озабоченное лишь общечеловеческими целями, о создании которого мечтал Сахаров.

Прочитав эту статью, Солженицын отозвался о ней, как об «опасной утопии». «Кому нужна, – писал Солженицын, – эта призрачная сверх-страна без осязаемого прошлого, во всяком случае без нашего прошлого». Но в том же 1974 году в «Письме вождям Советского Союза» Солженицын изложил свое видение будущего – если не всего мира, то России. Он предлагал отказаться от военного и космического бюджета страны, а на сэкономленные деньги «растопить» и «растеплить» российский Северо-Восток. Сюда, в северные и восточные районы России, писатель предлагал перенести «центр государственного внимания, национальной деятельности, центр расселения и поисков молодых – с юга нашей страны и из Европы».

«Построение более чем половины государства на новом свежем месте, – заявлял Солженицын, – позволяет нам не повторять губительных ошибок XX века – с промышленностью, с дорогами, с городами»³¹. Города были особенно ненавистны писателю. В стране нужно строить лишь небольшие предприятия, но «с дробной и высокой технологией». И даже сельское хозяйство можно создавать на Севере («с большими затратами, конечно», – добавлял писатель). Любой экономист мог бы доказать крайне ограниченные возможности советского и российского Северо-Востока как центра расселения там российской молодежи, да еще в небольших поселениях. Эффективно работать здесь могут лишь очень крупные предприятия, подобные «Норильскому никелю». Да и как можно жить без дорог и городов? Солжени-

³⁰ «Вопросы философии», 1989, № 1; Сахаров А. Тревога и надежда: Сб. статей. М., 1990 и др.

³¹ «Новый мир», 2000, № 9. С. 145.

цын не ссылается в своих предложениях ни на какой опыт, и тут уже Сахаров мог бы оценить его проекты как утопию и как «опасное мифотворчество».

Еще через 15 лет, осенью 1989 года, уже в качестве Народного депутата и одного из лидеров оппозиционной Межрегиональной депутатской группы, А. Д. Сахаров разработал (в форме Конституции!) свой проект переустройства Советского Союза в Союз Советских Республик Европы и Азии. Он передал этот проект М. С. Горбачеву, который возглавил созданную Съездом народных депутатов СССР Конституционную комиссию. Это было 27 ноября, то есть всего за 17 дней до неожиданной и скоростной смерти Сахарова.

Мы узнали об этом документе как о «Конституции Сахарова» только в начале 1990 года, когда он был опубликован в московском журнале «Горизонт». Он вошел и в большой посмертный сборник общественно-политических выступлений и работ А. Д. Сахарова, который вышел в свет большим тиражом весной 1990 года³².

Это был утопический проект, основанный на идеях конвергенции, интернационализма, демократизма, гуманизма, идеализма и популярной среди физиков идеи Мирового правительства, в защиту которой выступал еще Альберт Эйнштейн. Сахаров пояснял, что он выступает за объединение всех людей на Земле, независимо от их расы, национальности и религии, от их пола, возраста и социального происхождения, что он обращается не к нациям, а к людям.

«Глобальные цели выживания человечества, – говорилось в 4-й статье Конституции ССРЕА, – имеют приоритет перед любыми региональными, государственными, национальными, классовыми, партийными, групповыми и личными целями. Политическим выражением конвергенции в долгосрочной перспективе должно быть создание Мирового правительства». Гражданам нового Союза должны быть обеспечены все права и свободы, никакая дискриминация на территории Союза не допускается. Много места в «Конституции Сахарова» уделялось порядку вхождения и выхода Республик из Союза, формированию ее высших органов власти, проблемам использования ядерного оружия. Российская Федерация также должна войти в состав нового Союза под названием «Республика Россия», но некоторые из районов «бывшей РСФСР» могут образовать самостоятельные республики в составе Союза. Ни Президент, ни Правительство ССРЕА не могут совмещать свою власть с руководством какой-либо партии.

В новом Союзе допускаются все виды собственности, но земля, ее недра и водные ресурсы не могут быть предметом купли и продажи и должны оставаться в собственности республик. Однако земельные участки могут передаваться во владение частным лицам на неограниченный срок с выплатой земельного налога в бюджет республики. Этот проект нигде не обсуждался.

Всего через несколько месяцев после «Конституции Сахарова» в советской печати был опубликован и проект конституционной реформы, который был разработан А. И. Солженицыным. Это был также утопический проект, но основанный на принципах русского национализма, патриотизма, умеренного авторитаризма и традиционного русского православия.

Солженицын предлагал как можно быстрее распустить Советский Союз и создать новое государство – Российской Союз, в составе одних лишь восточно-славянских народов – русских, украинцев и белорусов, включая и русское население Казахстана. Народы неславянские могут войти в Российской Союз лишь «по необходимости» и без государственной автономии.

Солженицын решительно возражал против формирования властей нового государства путем всеобщего, равного и прямого голосования. «Избирательные кампании, – писал он, – при большой численности голосующих бывают столь суетливы, визгливы, да при частом пристрастии массовых средств информации, что даже отвращают от себя значительную часть населения. Телевидение выявляет внешность кандидата, но не государственные способности. Во всякой такой кампании происходит вульгаризация государственной мысли. Для благо-

³² Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М., 1990. С. 266–276.

успешной власти нужны талант и творчество – легко ли избрать их всеобщим голосованием на широких пространствах?»

Ничему не может помочь и партийная система, так как соперничество партий искажает народную волю. «Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям». Партии могут существовать и выражать свое мнение через печать и на собраниях, но «власть – это заповеданное служение и не может быть предметом конкуренции партий». Поэтому выборы в высшие органы власти в Российском Союзе должны быть трех– или четырехстепенные – от уездных и земских к областным земским собраниям – и далее к Всеземскому Собранию, которое должно заменить существовавший (в 1990 году) Верховный Совет.

Президент нового Союза должен избираться все же на всеобщих выборах, но только после тщательного рассмотрения и обсуждения кандидатов на Всеземском Собрании. Таким образом можно было бы избежать изнурительной избирательной кампании. На будущее же в стране должна быть создана над всеми властями и некая «верховная моральная инстанция» – из «авторитетных людей, проявивших высокую нравственность, мудрость и обильный жизненный опыт». Впрочем, Солженицын признает, что ему пока не виден «несомненный метод отбора таких людей». «Давайте искать», – заключает свой проект писатель³³.

Этот проект, однако, также нигде не обсуждался. Судьба Советского Союза и Российской Федерации складывалась в последние 13 лет не по Сахарову и не по Солженицыну...

Две философии

Сахаров и Солженицын выдвигали и защищали не только очень различные политические, национальные и нравственные идеи, но и разную философию мироздания.

Завершая работу над текстом своей Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека», А. Д. Сахаров написал: «Я защищаю космологическую гипотезу, согласно которой развитие Вселенной повторяется в основных чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более «удачные», должны существовать бесконечное число раз на «предыдущих» и «последующих» к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели». Эти слова высечены теперь на постаменте бюста А. Д. Сахарова, установленного в Московском международном университете.

Для Солженицына главная философская установка Сахарова, конечно, слишком материалистична. В заключительной части своей Нобелевской лекции Солженицын выделил прописными буквами такие слова: «ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ». Но словом правды для него могло быть только слово Бога, которое он передает людям через своих пророков. Солженицын верит не только в Разум, но в Высший Разум, даже в Высшего Судию, который наставляет и оберегает наиболее достойных.

«Должны мы заново открыть, – говорил Солженицын при получении премии “Золотое клише” в Цюрихе 31 мая 1974 года, – что не человек венец вселенной, но есть над ним – Высший Дух». И еще почти через десять лет, 10 мая 1983 года, в Букингемском дворце при получении Темплтоновской премии, обращаясь к жителям всех пяти континентов, Солженицын сказал: «Опрометчивым упованиям двух последних веков, приведшим нас в ничтожество и на край ядерной и неядерной смерти, мы можем противопоставить только упорные поиски теплой Божьей руки, которую мы так беспечно и самонадеянно оттолкнули. Тогда

³³ Солженицын А. И. Публицистика. Ярославль, 1996. Т. 1. С. 573–596.

могут открыться наши глаза на ошибки этого несчастного XX века и наши руки – направиться на их поправление. А больше нам нечем удержаться на оползне, ото всех мыслителей Просвещения не набралось».

Эти идеи великого русского ученого и великого русского писателя можно принимать или не принимать. Но нельзя отрицать, что их деятельность и их идеи оставили заметный след в истории развития общественного сознания в нашей стране и в мире. В самом конце XX века социологические службы и редакции газет проводили среди граждан России опросы на тему: «Кого вы могли бы назвать “человеком столетия” для России?» Из десяти наиболее часто называемых имен оказалось четыре политика: Ленин, Сталин, Горбачев и Брежнев. Из полководцев – только один: Жуков. Из людей, имевших отношение к космосу – двое: Гагарин и Королев. Из поэтов и артистов – один: Высоцкий...

Из общественных деятелей и диссидентов – двое: Сахаров и Солженицын. Выше я сделал попытку рассказать о сложных взаимных отношениях, о сотрудничестве и полемике этих двух людей.

Рой Медведев. Из воспоминаний об А. Д. Сахарове

Первые встречи с Сахаровым

Имена ученых, принимавших участие в разработке всех видов ядерного оружия, были в СССР засекречены. Эти люди не участвовали в общественно-политической жизни страны. Но они не участвовали и в каких-либо открытых научных дискуссиях. Академик Андрей Дмитриевич Сахаров был одним из этих особо секретных и особо охраняемых ученых. Он возглавлял на «объекте» в одном из секретных научных городов группу замечательных, но секретных ученых.

Однако интересы Сахарова стали постепенно выходить за рамки научных проблем, и он был первым из ученых-атомщиков, кто прорвал созданную вокруг них информационную и политическую изоляцию. Это произошло неожиданно и для властей, и для самого Сахарова.

Летом 1964 года должны были пройти очередные выборы в Академию Наук СССР. Среди кандидатов в академики был и один из ближайших соратников печально известного Трофима Денисовича Лысенко – член-корреспондент АН СССР Н. И. Нуждин. Его кандидатура была поддержана в ЦК КПСС и уже прошла через Отделение биологических наук Академии.

Академики-физики, особенно атомщики, относились к концепциям возглавляемой Лысенко «мичуринской биологии» весьма неприязненно еще с конца 40-х годов. Как при производстве, так и на испытаниях атомного оружия физикам приходилось считаться с радиацией, а это требовало существенного расширения их познаний в биологии и генетике. Именно в научных учреждениях атомной индустрии нашли в 40–50-е годы укрытие и работу многие ученые-генетики, уцелевшие от погромных кампаний в биологии 1948–1949 годов. В атомных научных центрах шло развитие новой научной дисциплины – радиобиологии, которая строилась на принципах не «мичуринской», а классической генетики. Критически относился к концепциям Лысенко и Андрей Сахаров.

Среди ведущих советских физиков было несколько академиков старшего возраста, которые работали одновременно и над секретными, и над открытыми научными проектами. Эти люди решили выступить против избрания Нуждина академиком. Детали этого, по условиям того времени, весьма необычного и смелого выступления обсуждались в канун Общего собрания АН СССР на квартире академика В. А. Энгельгардта. Здесь собрались несколько очень известных ученых, включая И. Е. Тамма, М. А. Леонтовича и других. Сахарова на этом конфиденциальном совещании не было, он о нем даже не знал. Но Сахаров присутствовал на Общем собрании и был крайне взволнован выступлением Энгельгардта, который высказался против избрания Нуждина. Последние слова Энгельгардта о том, что кандидатура Нуждина «не отвечает тем требованиям, которые мы предъявляем к этому самому высокому рангу ученых нашей страны», были встречены аплодисментами, и это вызвало растерянность в президиуме собрания.

«Кто еще хочет взять слово?» – спросил Президент АН Мстислав Всеволодович Келдыш. И тут руку поднял А. Д. Сахаров. «Это решение, – как свидетельствовал позднее Андрей Дмитриевич, – я принял импульсивно; может быть, в этом проявился рок, судьба»³⁴.

Выступление академика Энгельгардта было весьма критическим по характеру, но академическим по тону и форме изложения. А. Сахаров, выступивший следом, был очень резок. Он говорил о гонениях в биологии, о преследованиях подлинных ученых, в которых активно участвовал и Нуждин. «Я призываю всех присутствующих академиков, – сказал в заключение

³⁴ Сахаров А. Д. Воспоминания. Т. 1. М... 1996. С. 330.

своей краткой речи Сахаров, – проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы “за”, были бюллетени тех лиц, которые вместе с Нужиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются». Эти слова также были встречены аплодисментами.

После А. Сахарова, несмотря на громкие и бурные протесты Лысенко, выступил и академик Игорь Евгеньевич Тамм, которого также слушали с большим вниманием и проводили аплодисментами. Когда вечером 26 июня 1964 года состоялось голосование, то оказалось, что из 137 присутствовавших на Общем собрании академиков только 23 человека написали в бюллетенях против фамилии Нужиного слово «за». Отрывки из стенограммы с текстами выступлений Энгельгардта и Сахарова, с выкриками Лысенко быстро распространились тогда в кругах научной интеллигенции в Москве.

Провал Н. И. Нужиного на выборах в Академию наук вызвал гневную реакцию со стороны Никиты Сергеевича Хрущева, который покровительствовал Трофиму Лысенко – это было известно и всем академикам. «Если Академия начинает заниматься политикой, а не наукой, – заявил в своем окружении Хрущев, – то такая Академия нам не нужна». В Москве распространились слухи о том, что Хрущев поручил соответствующему отделу ЦК подготовить проект о реорганизации Академии наук СССР в Государственный комитет по науке.

В сентябре 1964 года академик А. Д. Сахаров передал в аппарат ЦК большое письмо с объяснением мотивов своего выступления на Общем собрании АН. Но не дождался ответа, так как в октябре Хрущев был смещен со всех своих постов. Среди обвинений, которые были выдвинуты против Хрущева на Октябрьском пленуме ЦК КПСС, было и обвинение в неоправданном конфликте с Академией наук, а также в безоговорочной поддержке биологических и сельскохозяйственных концепций Лысенко. Для Т. Д. Лысенко и его группы решения Октябрьского пленума стали концом их монополии и их власти в биологических и сельскохозяйственных науках.

Мой брат Жорес, биолог, еще в начале 1962 года написал большую, очень острую, но увлекательную и убедительную научно-публицистическую работу против Лысенко и его клики – «Биологическая наука и культ личности (Из истории агробιологической дискуссии в СССР)». Эта работа быстро распространилась в списках; ее читали в литературных и в научных кругах, и она несомненно повлияла на быстрый рост антилысенковских настроений в образованной части общества. Особенно внимательными ее читателями были физики-атомщики; в их кругу статья Жореса стала известна еще до Общего собрания Академии. Читал эту статью и А. Д. Сахаров. Один из его друзей и соратников по работе на «объекте» В. Б. Адамский писал позднее в своих воспоминаниях: «В 1963–1964 гг. ходило в самиздате исследование Ж. Медведева “История биологической дискуссии в СССР”. Все то, что сейчас известно о действиях Лысенко по разгрому советской биологии, в этом исследовании содержалось. Описывалась там и трагическая судьба академика Вавилова. Прочитав, я дал этот материал Андрею Дмитриевичу. Нельзя сказать, что все содержание рукописи было для него новостью, но все-таки ее эмоциональное воздействие на Андрея Дмитриевича было очень сильным. Я не помню, чтобы он так резко о ком-нибудь высказывался. Запомнилось мне выражение: “Вегетарианство по отношению к Лысенко недопустимо”. Вскоре представился случай дать бой Лысенко. Как известно, в значительной степени благодаря выступлению А. Д. Сахарова на Общем собрании Академии наук кандидатура ставленника Лысенко была провалена. Возвратившись с сессии Академии наук, он зашел ко мне поделиться радостью победы»³⁵.

Уже после этих событий в АН СССР Жорес дважды встречался с Сахаровым на его квартире в Москве; первая из этих встреч состоялась еще до Октябрьского пленума ЦК КПСС. Выступление А. Д. Сахарова в Академии наук было его первым публичным выступлением

³⁵ Он между нами жил: Воспоминания о Сахарове. М., 1996. С. 41.

против официальной политики властей. А встреча с Жоресом была первой встречей с одним из известных диссидентов. Впрочем, этот термин тогда еще не употреблялся, да и само движение только зарождалось.

К сожалению, Сахаров в своих воспоминаниях написал об этой важной для обоих собеседников встрече не слишком точно. «Через несколько дней после выступления в Академии, – писал Сахаров, – ко мне домой пришел незнакомый мне раньше молодой биолог Жорес Медведев (хотя я раньше слышал его фамилию). Он очень высоко оценил мое выступление и попросил меня подробно повторить, по возможности точнее, что именно я говорил, и всю обстановку. Все это он записал в блокнот для включения в его книгу. Ж. Медведев оставил мне для ознакомления рукопись своей будущей книги, которая тогда называлась “История биологической дискуссии в СССР” или как-то похоже. Рукопись действительно была очень интересной»³⁶.

Но такой встречи летом 1964 года между А. Сахаровым и Ж. Медведевым не было и быть не могло, так как никто из нас в то время ничего не знал о Сахарове, о его занятиях и положении. Жорес не мог знать ни адреса, ни телефона Сахарова, а копию стенограммы Общего собрания АН он получил от своего друга биолога В. П. Эфроимсона, а позднее и от академика В. А. Энгельгардта, с которым был в добрых отношениях еще с середины 50-х годов. В июле и в августе 1964 года Жорес с семьей отдыхал в Никитском ботаническом саду в Крыму. Также в Крыму, но в санатории «Мисхор» отдыхал в это лето и А. Д. Сахаров с семьей. Почти в самый последний день лета в газете «Сельская жизнь», которая была органом ЦК КПСС, была опубликована большая статья президента ВАСХНИЛ М. А. Олышанского «Против дезинформации и клеветы», в которой рукопись Жореса «Биологическая наука и культ личности» объявлялась клеветнической. За ее распространение, как писал Олышанский, автор должен предстать перед судом как клеветник. Здесь же весьма пренебрежительно говорилось и об академике Сахарове, «инженере по специальности, который, начитавшись подметных писем Медведева, допустил на Общем собрании Академии наук СССР клевету в адрес советской биологической науки и видных советских ученых-биологов». И Медведев, и Сахаров, как выяснилось позднее, прочитали статью Олышанского в один и тот же день, но в разных местах. А еще через 10 дней академик Б. Л. Астауров, с которым Жорес был хорошо знаком, передал ему полученную через академика М. А. Леонтовича просьбу Сахарова о встрече. Михаил Александрович Леонтович был известным физиком и также работал по атомным проблемам, но он не был засекреченным ученым. Леонтович жил в Москве в том же доме, что и Сахаров. Правда, Сахаров в то время большую часть времени жил с семьей в своем коттедже на «объекте» и в Москве бывал наездами. Жоресу назвали телефон квартиры Сахарова и точный день и час, когда по этому телефону надо позвонить. И действительно, когда в назначенное время Жорес позвонил, Сахаров сам поднял трубку и пригласил Жореса к себе, назвав адрес.

В своих воспоминаниях Жорес позднее писал: «Я приехал к А. Д. Сахарову на такси. Насколько я помню, это был трехэтажный дом “элитной” постройки. Никакой видимой охраны не было; вход в подъезд был обычный, я поднялся по лестнице и позвонил в нужную квартиру. Беседа была только с Сахаровым в его кабинете, членов семьи я в тот раз не встретил. Я привез Сахарову новый вариант моей книги. Эта книга обновлялась каждый год, и с ее первым вариантом Сахаров был знаком. Он рассказал мне, что его выступление вызвало сильное недовольство Хрущева. Иногда он показывал пальцем на потолок – обычный знак того, что разговоры в квартире могут прослушиваться КГБ. Поэтому беседа была сдержанной. Я рассказал ему о своей работе и своем положении в Обнинске. Мы условились встретиться снова через месяц. Но в следующий мой визит к Сахарову в заранее оговоренный день положение дел было уже иным. Хрущев был освобожден от всех своих должностей, и отношение к генетике

³⁶ Сахаров А. Д. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 330.

сразу изменилось. Наша беседа, помимо этих событий, коснулась и проблем радиобиологии. Сахаров был убежден, что во время испытаний водородной бомбы в 1953 году он был переоблучен при осмотре места взрыва. У него был стабильно повышенный уровень лейкоцитов, и он боялся возможности лейкемии. Я тогда еще не знал, что бывший начальник Средмаша В. А. Малышев, вместе с которым Сахаров осматривал эпицентр взрыва, умер через 3–4 года от лейкемии. Оба раза в 1964 году мои встречи с Сахаровым продолжались часа по полтора. Никаких вопросов, связанных с его собственной работой, я, естественно, не задавал. Беседы ограничивались вопросами биологии и медицины. Мне было тогда неизвестно, где он работает и какие проблемы решает. Во время беседы Сахаров не проявлял никакой эмоциональности и иногда писал на бумаге какие-то формулы. Было очевидно, что его все время беспокоят какие-то свои проблемы».

В 1965 и 1966 годах у Жореса не было встреч с Сахаровым. В самом начале 1966 года в Москве получил широкое распространение небольшой, но важный для всех нас документ – письмо группы весьма влиятельных деятелей советской интеллигенции, адресованное Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину. Это был протест против попыток реабилитации Сталина в преддверии XXIII съезда КПСС. Среди двух десятков подписей здесь стояла и подпись «А. Д. Сахаров, академик, трижды Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственных премий».

Теперь уже более широкие круги общественности узнали о Сахарове, хотя кроме самого имени, титулов и наград об этом человеке еще никто ничего не знал. Я знал о Сахарове тоже очень мало – и из рассказов Жореса, и от писателя Эрнста Генри (Семен Николаевич Ростовский), который был организатором и составителем упомянутого письма. Эрнст Генри рассказывал мне, что Сахаров не только сам охотно подписал письмо, но предложил сделать то же самое и некоторым другим академикам, жившим недалеко от него. Именно Эрнст Генри, с которым я в то время часто встречался и беседовал, рассказал Сахарову о существовании моей работы «К суду истории». Это была довольно большая рукопись, посвященная проблемам сталинизма, которую я продолжал обновлять и расширять примерно раз в шесть месяцев.

Я начал эту работу еще в конце 1962 года без всякой конспирации, и ее первые варианты читали даже секретари ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев и Ю. В. Андропов. Обсуждение рукописи среди друзей, среди писателей и старых большевиков, а также других заинтересованных лиц было для меня важной формой накопления материалов. Однако я препятствовал более широкому и неконтрольному распространению своей работы. Осенью 1966 года Эрнст Генри передал мне просьбу А. Д. Сахарова, который хотел прочесть мою рукопись. Я не сразу откликнулся на эту просьбу. Обстановка в стране изменилась, и мне приходилось внести в свою деятельность некоторые элементы конспирации. Круг знакомых Сахарова мне был неизвестен, и я опасался, что обсуждение рукописи среди столь необычных людей может в чем-то осложнить мое положение. Сахаров, однако, повторил свою просьбу, и вскоре я отправил ему через Генри большую папку с текстом очередного варианта книги «К суду истории». В этой папке было уже около 800 машинописных страниц. Примерно через месяц Генри передал мне приглашение от академика, а также его адрес и домашний телефон.

Моя первая встреча с А. Д. Сахаровым состоялась после предварительной договоренности в один из зимних дней в самом начале 1967 года. По принятым среди диссидентов правилам, я никогда не вел никаких записей о своих встречах и беседах и вынужден поэтому полагаться на свою память. В своих публикациях 70-х и 80-х годов Андрей Дмитриевич несколько раз упоминал о наших встречах и беседах, но в разное время он это делал с разными акцентами и в разных редакциях. Я не буду полемизировать с этими текстами.

В первой своей автобиографии, опубликованной в 1974 году, Сахаров писал о событиях 1964–1967 годов следующее: «Для меня лично эти события имели большое психологическое значение, а также расширили круг лиц, с которыми я общался. В частности, я познако-

мился в последующие годы с братьями Жоресом и Роем Медведевыми. Ходившая по рукам, минуя цензуру, рукопись биолога Жореса Медведева, была первым произведением “самиздата” (появившееся несколько лет перед этим слово для обозначения нового общественного явления), которое я прочел. Я познакомился также в 1967 году с рукописью книги историка Роя Медведева о преступлениях Сталина. Обе книги, особенно последняя, произвели на меня очень большое впечатление. Как бы ни складывались наши отношения и принципиальные разногласия с Медведевыми в дальнейшем, я не могу умалить их роли в своем развитии»³⁷.

В «Воспоминаниях» А. Д. Сахарова, опубликованных в двух томах в 1996 году, этих слов нет, а имеется странная фраза о том, что «конкретная информация, содержащаяся в книге Медведева, во многом повлияла на убыстрение эволюции моих взглядов в эти критические для меня годы. Но и тогда я не мог согласиться с концепциями книги»³⁸. Однако никаких замечаний по моей рукописи А. Сахаров в конце 60-х годов не высказывал; у нас не было никаких споров ни по моим, ни по его работам, хотя различия в оценках и взглядах были уже тогда. Но они казались нам совершенно несущественными – по тем временам.

Я посетил Андрея Дмитриевича в его московской квартире. В уютном тихом переулке недалеко от Института атомной энергии имени И. В. Курчатова стояли два четырехэтажных дома, в которых жили, как я узнал позднее, ученые-атомщики. Из небольшой передней мы прошли в круглый большой холл, из него можно было войти в три или четыре большие комнаты и на кухню. В простенках стояли от пола до потолка книжные шкафы, но книги лежали и стояли на полках в каком-то беспорядке. Некоторый беспорядок был и во всей квартире: старый, продавленный диван, старая мебель, простой письменный стол с пачками бумаг. Никаких признаков той ухоженности или даже роскоши, которую я видел в квартирах других академиков, с которыми познакомился много позже, в 1996 году.

Жена Сахарова Клавдия Алексеевна была не слишком здорова, и ей было не под силу следить за порядком в большой квартире. Старшая дочь Татьяна была уже замужем и жила отдельно. Средняя дочь Люба заканчивала в тот год школу и готовилась к поступлению в институт. Сын Дима учился в четвертом классе. Никакой прислуги, обычной в домах других академиков или известных писателей, в семье Сахарова не было. Было видно, что гости в этой квартире бывают редко. Было очевидно также, что Сахаров не придавал никакого значения ни обстановке в квартире, ни своей одежде. На локтях его свитера были заметны прорехи, не хватало пуговиц на рубашке. Случайные вещи лежали на стульях и подоконниках.

Я спросил Андрея Дмитриевича, не прослушивается ли его квартира. Он считал это возможным, но не в целях слежки, а в целях охраны. «В нашем доме всегда заперты подвал и чердак, но мы проходим по каким-то другим управлениям, – сказал Сахаров. – Раньше охрана была постоянной и явной. Даже когда я выходил в магазин за хлебом, меня сопровождал телохранитель. Но в 1961 году я и мои друзья потребовали от Суслова убрать от нас эту ненужную опеку. Охраны сейчас нет на виду, но я не могу исключить того, что она просто стала незаметной».

Сахаров был не один. В его кабинете был еще один человек – Виктор Борисович Адамский, которого Сахаров представил как своего друга. Но Адамский почти не принимал участия в нашей беседе. На столе в кабинете лежала не только моя рукопись, но и несколько ее машинописных копий, что меня встревожило. Видимо, Андрей Дмитриевич это заметил и тут же сказал, что он попросил перепечатать рукопись только для самого себя, остальные я могу увезти. Я не стал возражать, так как не предупредил Сахарова заранее о нежелательности перепечатки.

Наш разговор, естественно, пошел о только что прочитанной Сахаровым и его знакомым рукописи. Замечаний у Сахарова не было, очень многое из того, что он узнал из моей книги,

³⁷ Сахаров А. О стране и мире. Нью-Йорк. 1976. С. IX.

³⁸ Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. М. 1996. С. 376.

было для него открытием, и не слишком приятным. Он признавал и тогда, и потом, что жил слишком долго в предельно изолированном мире, где мало знали о событиях в стране, о жизни людей из других слоев общества, да и об истории страны, в которой и для которой они работали. Конечно, Сахаров знал, что в СССР до 1956 года было много лагерей и много политических заключенных. Все крупные атомные объекты, на которых бывал Сахаров, строились заключенными, и он видел из окна своего дома на одном из этих «объектов» колонны заключенных, идущих на работу, слышал команды охранников. Но все это проходило тогда мимо его сознания. Говорил Сахаров и о Берии, с которым встречался и разговаривал несколько раз. К Берии атомщики обращались в критических ситуациях как к самой последней инстанции, со Сталиным они не общались.

Наша первая встреча продолжалась, вероятно, часа два. Я отметил, что Андрей Дмитриевич был чрезвычайно прост в общении, даже немного застенчив. Не было никакой попытки играть какую-то роль. Я сказал ему, что среди интеллигенции о нем говорят как об «отце советской водородной бомбы». Так ли это? Сахаров ответил, что он много сделал для успешного завершения этих работ, но проекты такого масштаба не могут не иметь «коллективного автора». Еще по крайней мере три физика могли бы назвать себя с полным на то основанием отцами советской водородной бомбы.

В последующие недели и месяцы мы с Сахаровым встречались довольно часто. Некоторые из этих встреч происходили у меня на квартире недалеко от метро «Речной вокзал». Андрей Дмитриевич сначала звонил, а потом приезжал на такси. Он говорил, что очень редко пользуется служебной автомашиной. В эти месяцы Сахаров жадно читал имевшиеся у меня материалы «самиздата». Особенно сильное впечатление произвели на него роман-мемуары Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», роман Солженицына «В круге первом», рассказы Варлама Шаламова. Некоторые из этих рукописей он приобретал для себя, оплачивая труд машинистки. Читал он и многие документы, связанные с быстро развивавшимся тогда движением за права человека, например, письма и статьи генерала Петра Григоренко, стенограммы происходивших тогда судебных процессов.

Наши разговоры касались многих проблем, вопросы исходили почти всегда от моего собеседника. Сахарова угнетал, например, эпизод с шофером одной из грузовых машин – это была давняя история начала 50-х годов, когда на одной из узких и плохих дорог близ «объекта», где работал по несколько месяцев Сахаров, его легковую машину задел и столкнул в кювет встречный грузовик. Сахаров получил травмы и оказался в больнице, а шофера грузовика судили за диверсию и покушение, хотя это был просто несчастный случай. «Он получил большой срок, а я не вмешался, я должен был тогда вмешаться, думал об этом, но ничего не сделал».

Несколько раз Сахаров возвращался к вопросу об испытаниях водородных бомб на Новой Земле. Эти испытания были прекращены в конце 50-х годов, но возобновлены в начале 60-х, против чего Сахаров решительно возражал. По его собственным подсчетам, представленным в закрытых материалах, число жертв от одной мегатонны взрыва оценивалось цифрой в 10 тысяч человек. Речь шла о радиационных и генетических заболеваниях на большой территории и в течение длительных сроков. Но немалое число жертв приходилось на ближние сроки и на меньшую локальную территорию. Чрезвычайный вред наносился здоровью и жизни северных народов и оленеводству. А ведь летом 1962 годов было проведено, вопреки самым резким протестам Сахарова, испытание 50-мегатонной бомбы. Последствия его были очень тяжелыми, и это ускорило заключение международного договора о запрещении всех ядерных испытаний в трех средах (на поверхности Земли, в атмосфере и под водой).

Говорил Сахаров и о проведении «направленных» взрывов атомных конструкций при строительстве плотин и каналов. Как я понял, Сахаров участвовал в разработке этих проектов, за что получил одну из Государственных премий и третью золотую звезду Героя Социалистического труда. И в данном случае исследования показывали, что каждый такой наземный

взрыв, не убивая никого сразу, приводил все-таки к необратимым изменениям в наследственных структурах, заболеваниям лейкемией, раком и другими болезнями нескольких тысяч человек на протяжении нескольких десятилетий. Мне казалось недопустимым идти на проведение таких «мирных» взрывов, заранее зная, что от них пострадают многие люди, и не только в Советском Союзе. Но Сахаров пытался тогда еще искать какое-то оправдание такой атомной технологии, говоря, что за любой шаг вперед технического прогресса надо платить. «А разве строительство железных дорог и автомобилизация не приводят впоследствии к тысячам смертей? А химическая промышленность, а применение удобрений и пестицидов?»

Я возражал, замечая, что при работе железных дорог каждая авария – это сочетание случайностей, которые можно свести к минимуму или предотвратить, тогда как ядерный взрыв с необходимостью ведет к смерти и болезням многих людей на большой территории. К тому же эти люди, в отличие от шофера автомобиля, ничего не знают о грозящих им бедах, и их риск не зависит от их собственного выбора. Многие ученые-атомщики верили в 60-е годы в безграничность возможностей мирного использования атомной энергии. Более адекватные представления об опасностях и рисках пришлось ко всем нам только после Чернобыля.

А. Д. Сахаров в 1968 году. Первый «меморандум»

Во многих отношениях 1968-й год стал переломным в жизни, в положении и общественной деятельности Сахарова. Хорошо помню, что уже с января 1968 года Андрей Дмитриевич стал значительно больше читать материалы самиздата. С января 1988 года я стал приносить ему материалы своего ежемесячного информационно-аналитического бюллетеня, многие номера которого были изданы за границей в 1972 и 1975 годах под названием «Политический дневник». В 60-е годы у моего издания такого названия не было. На первой странице стоял только номер очередного бюллетеня и месяц, в течение которого этот бюллетень готовился.

В № 30 этого самиздатовского журнала за март 1967 года был помещен «Диалог между публицистом Эрнстом Генри и ученым А. Д. Сахаровым» на тему «Мировая наука и мировая политика». Это была первая, хотя и неофициальная публикация мыслей Сахарова, главным образом по проблемам разоружения. Андрей Дмитриевич узнал об этой публикации только в 1973 году после издания первого тома «Политического дневника» в Амстердаме. В своих воспоминаниях он подробно пишет о том, как был написан их «Диалог», как он обсуждался в редакции «Литературной газеты», а затем в идеологическом отделе ЦК КПСС. Эрнсту Генри и Андрею Сахарову передали отзыв секретаря ЦК Михаила Суслова, который нашел статью интересной, но высказался против ее публикации, так как в ней есть положения, «которые могут быть неправильно истолкованы».

Как писал Сахаров, «история на этом не кончилась. Через несколько лет я узнал, что статья все же была напечатана очень небольшим тиражом в сборнике “Политический дневник”. Ходили слухи, что это издание для КГБ или “самиздат для начальства”. Еще через несколько лет Рой Медведев заявил, что составитель сборника – он. Но как к нему попала моя статья – до сих пор не знаю»³⁹. В большой биографии А. Д. Сахарова, которая вышла в свет в 2000 году, ее автор Геннадий Горелик называет «Политический дневник» «периодическим самоизданием для избранных», в котором Рой Медведев «позволил себе подредактировать статью Сахарова без согласования с автором»⁴⁰. Эти упреки несправедливы и основаны на недоразумении. Сахаров сам писал в своих воспоминаниях, что после отклонения статьи в ЦК КПСС он лично отвез ее рукопись Эрнсту Генри, впервые посетив его большую холостяцкую квартиру. Но Генри сделал с этой рукописи копию и передал мне один экземпляр для ознакомления друзей. Ника-

³⁹ Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 882.

⁴⁰ Горелик Г. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М., 2000. С. 407.

ких других согласований для использования этого текста в моем бюллетене не требовалось. Этот эпизод не заслуживал бы такого внимания, если бы Сахаров не писал позднее, что именно в их совместной статье «Мировая наука и мировая политика» содержались некоторые идеи, которые он позднее более полно изложил в своих «Размышлениях».

С самого начала 1968 года в центре внимания всех диссидентских кружков были события в Чехословакии. Сахаров с большим интересом следил за развитием этих событий, явно сочувствуя происходящей там быстрой демократизации. В Москве возникло несколько кружков, в которых быстро делали перевод самых значительных статей и материалов из чехословацкой печати и распространяли эти переводы. К тому же многие из документов и выступлений лидеров «Пражской весны» можно было получить и через посольство ЧССР в Москве. К моему удивлению, Сахаров начал читать в эти месяцы и некоторые книги по марксизму; однажды я увидел на его письменном столе «Капитал» Маркса и еще несколько не слишком популярных книг по марксизму. Я посоветовал Андрею Дмитриевичу начинать с Плеханова, но Сахаров не стал продолжать этот разговор. У него не было желания обсуждать прочитанное или вступать в дискуссию со мной или с кем-либо другим. Впрочем, желание изучать марксизм и теорию социализма по первоисточникам у Сахарова быстро прошло. И стиль, и образ мышления, и общий взгляд на общественные проблемы XX века у Сахарова были чужды марксистской догматике. Он видел проблемы современного общества под каким-то другим углом зрения; оригинальность его мышления проявлялась и здесь, но у него не было ни времени, ни возможностей для систематической работы в этой новой для него области знаний.

Однажды, в самом конце апреля 1968 года Сахаров позвонил мне и попросил приехать к нему по возможности в тот же день. Пригласив меня в кабинет, он протянул мне машинописный текст, на первой странице которого я прочел: «А. Сахаров. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Статья Сахарова, о которой позднее стали говорить как о «манифесте», а чаще как о «меморандуме», была достаточно большой, но я прочел ее сразу – при авторе. Я не увидел в этом тексте почти никакого влияния прочитанных им книг по марксизму, кроме принятия в общей форме идей гуманного социализма и социалистической демократии. Гораздо большим было влияние взглядов и общественных выступлений таких физиков и философов, как Эйнштейн, Бор, Бертран Рассел, а также немецкого врача-гуманиста Альберта Швейцера. Но в большей мере это был оригинальный взгляд на советскую действительность самого Сахарова. Здесь были и глубокие мысли, и наивные, на мой взгляд, рассуждения, но вся работа подкупала свежестью мысли, оригинальностью и искренностью. Эта работа Сахарова показалась мне тогда очень важным событием, ибо столь значительный во всех отношениях человек открыто и активно выступал против сталинизма и в защиту демократического социализма. Все же я высказал немало конкретных замечаний. Сахаров сказал мне, что это пока черновик, но он хотел бы, чтобы некоторые из моих друзей – историков и писателей прочли его статью и высказали свое мнение. Я обещал сделать это, но предупредил Андрея Дмитриевича, что в условиях бурного развития «самиздата» его статья может выйти из-под контроля. Это обстоятельство его не беспокоило.

В последующие несколько недель статью Сахарова прочли многие из моих друзей и знакомых. Первыми ее читателями, насколько я помню, были М. И. Ромм, Е. С. Гинзбург, историк В. П. Данилов, философ Г. С. Батишев, Е. А. Гнедин. Некоторые ограничились небольшими устными замечаниями, другие писали развернутые отзывы и предложения. Сахаров очень внимательно относился ко всем замечаниям, но принимал далеко не все. Он продолжал весьма интенсивно работать над текстом своего «меморандума», внося в него как мелкие, так и существенные исправления, затрагивая и ряд новых тем. Вся эта работа не могла оставаться незамеченной «органами», хотя бы потому, что и квартира, и телефон Сахарова прослушивались. К тому же он сам никогда не считал нужным прибегать к конспирации, – это была его принципиальная позиция. «Мне нечего скрывать», – не раз повторял он.

В один из моих визитов я встретил у Сахарова академика Юлия Борисовича Харитона, который занимал очень высокий пост в атомной научной иерархии и был научным руководителем на «объекте». Разговор с Харитоном уже заканчивался, и он вскоре ушел. «Уговаривал меня не давать хода “Размышлениям”», – мимоходом заметил Сахаров. Но побудить Сахарова отказаться от публичного выступления было уже невозможно ни уговорами, ни, тем более, угрозами.

Все новые варианты «Меморандума» Сахаров просил перепечатывать меня. Я делал это сам, но иногда приглашал для помощи историка и архивиста Леонида Петровского, с которым уже несколько лет сотрудничал и который с большим энтузиазмом относился к работе Сахарова. В моем архиве остались поэтому разные варианты «Меморандума» с рукописной правкой Сахарова, а также многие отдельные страницы с вставками и поправками. Два раза Андрей Дмитриевич привозил мне сразу по 7–8 страниц «Замечаний и добавлений к статье Сахарова». Оригиналы всех этих бумаг с рукописными текстами Сахарова я передал в конце 90-х годов в архив его имени, созданный Еленой Боннэр, оставив себе ксерокопии.

Андрей Дмитриевич изменил и автограф к «Меморандуму». Вначале это были известные слова Гёте «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Он заменил их словами Шиллера «Только полнота ведет к ясности».

Работа над новыми вариантами еще продолжалась, когда мы узнали, что параллельно происходит и бесконтрольное размножение текста, подхваченное стихией «самиздата». Следовало ждать, что вскоре статья такого известного человека, каким был к тому времени Сахаров, может оказаться и за границей. Много позднее стало известно, что текст «Меморандума» передал в середине июня голландскому корреспонденту Карелу ван хет Реве известный диссидент Андрей Амальрик. У Амальрика, человека с безупречной репутацией, не входившего ни в какие кружки, но поддерживающего добрые отношения с другими диссидентами, были открытые и давние связи с иностранными корреспондентами.

Вечером 10 июля Сахаров позвонил мне и спросил, слушаю ли я передачу Би-би-си. Это было последнее лето, когда западные радиостанции еще не глушились. Я настроил радиоприемник на волну Би-би-си и услышал, как диктор читает «Меморандум» Сахарова! Андрей Дмитриевич не скрывал своего удовлетворения, хотя распространился по миру не самый последний вариант его статьи. Я не буду писать здесь о том, какие отклики вызвала работа Сахарова во всем мире и в Советском Союзе. Ее почти полностью опубликовали главные газеты западных стран. Появилось множество комментариев и подробных разборов, были, конечно, и критические отзывы.

С июля 1968 года имя А. Д. Сахарова приобрело не просто всемирную известность, но и популярность. Это изменило весь уклад его жизни, так как все больше и больше людей стремилось встретиться с ним. Лично я был инициатором только одного нового знакомства Сахарова. Я передал ему большую рукопись физика Валентина Турчина «Инерция страха». Я был знаком с Турчиным еще с 1965 года; мы познакомились с ним в Обнинске, где я часто бывал у своего брата Жореса. Доктор физико-математических наук Турчин работал здесь в одном из крупных НИИ. Он был одним из составителей популярной тогда книги «Физики шутят». Талантливый и общительный человек, Турчин живо интересовался общественными и политическими проблемами, а это неизбежно вело его в ряды диссидентов.

Книга Турчина понравилась Сахарову, и они стали встречаться в дальнейшем без моего посредничества. Хотя телефон и адрес Сахарова нельзя было узнать через какое-либо справочное бюро, многие люди из Москвы и из других городов каким-то образом узнавали адрес и приходили к нему в дом, как правило, без предупреждения. Очень многие – с самыми нелепыми и невыполнимыми требованиями, некоторые просто просили денег. У меня создавалось впечатление, что кто-то сознательно направлял этот поток людей к Сахарову, чтобы нарушить его прежнее спокойное существование.

Особенно страдала от этого наплыва просителей Клавдия Алексеевна, жена Андрея Дмитриевича. А сам Сахаров обычно выслушивал очередного посетителя и что-то обещал. Но иногда и он оказывался в недоумении, не зная, что делать.

Помню один типичный в этом отношении случай. В дом Сахарова пришел возбужденный молодой человек в разорванном грязном костюме. Он, оказывается, разработал уместившийся на нескольких страницах план – каким образом всего за два-три года в Советском Союзе можно построить коммунистическое общество, основанное на полном равенстве граждан и скромном благосостоянии. Посетитель сказал при этом, что он бежал из психиатрической больницы, жил больше месяца в лесу в холоде и голоде, и за ним гонятся его враги. Поэтому он просит Сахарова не только прочесть его бумаги, но и укрыть его в своей квартире на несколько недель.

Андрей Дмитриевич сначала растерялся, но затем сказал, что он не коммунист и плохо разбирается в проблемах строительства коммунистического общества. Но у него есть добрый знакомый, который знает все эти вопросы хорошо и сумеет как оценить предлагаемый план, так и помочь просителю. Сахаров вызвал такси и объяснил водителю – как ко мне доехать. Конечно, Сахаров тут же мне позвонил и предупредил, что за человек должен ко мне приехать. К счастью, посетитель не задержался у меня долго и не просил укрыть его от преследователей.

Весьма странной была и почта, которую Сахаров начал получать из самых разных стран. Письма и бандероли шли по адресу: «Москва. Академия наук СССР. Академику А. Д. Сахарову». Поток писем был очень велик, но он, несомненно, подвергался тщательному отбору. До самого адресата доходили в основном письма с резкой критикой меморандума или письма от активистов такой известной в то время антисоветской организации, как НТС («Народно-трудовой союз»), с разными предложениями о сотрудничестве. Были письма от эмигрантов-националистов из русских организаций в Южной Африке. Но Андрей Дмитриевич все это читал с интересом. Несколько писем передал Сахарову и я. Например, мне принесли большое письмо к нему от генерала Петра Григоренко. Это письмо позднее также попало в «самиздат». Григоренко просил и о встрече, но Сахаров до осени 1978 года от встреч с известными диссидентами еще воздерживался.

Оккупация Чехословакии войсками Варшавского Договора вызвала у Сахарова возмущение, но ему не удалось на этот раз организовать какой-то протест. Андрей Дмитриевич рассказывал мне о своих встречах с академиком Игорем Таммом, с Александром Солженицыным и некоторыми другими. В конце августа и в начале сентября 1968 года мы встречались почти ежедневно, в том числе и в загородном доме Сахарова в Жуковке. Хотя во всех разговорах тех недель доминировала чехословацкая тематика, Сахаров продолжал обдумывать и многие другие проблемы, связанные с внешней и внутренней политикой Советского Союза. Я не удивился поэтому, когда он обратился ко мне с просьбой приобрести для него где-либо хорошую пишущую машинку. Тогда это был дефицит.

Через свою машинистку я купил ему портативную немецкую «Эрику». Только через месяц Андрей Дмитриевич смущенно спросил: «Вы ведь, наверное, заплатили за пишущую машинку свои деньги. Сколько я вам должен?». Он все еще не умел и не знал, как покупать нужные ему вещи. Впрочем, уже летом 1968 года Сахаров был отстранен от работы на «объекте», но еще не получил нового назначения. Он не был огорчен. У него было теперь много свободного времени, и он чаще встречался с разными людьми вне пределов своего прежнего окружения.

Неожиданно все изменилось из-за тяжелой болезни жены Сахарова. У нее обнаружили рак желудка, который врачи признали неоперабельным. Болезнь быстро прогрессировала, временами возникали сильные боли, которые не удавалось снять даже инъекциями наркотических веществ. Сахаров тяжело переживал страдания жены и находился все время рядом с ней – в больнице или дома. Он пытался достать какие-то редкие лекарства, обращался к целителям, к знахарям, но безрезультатно. Клавдия Алексеевна умерла в марте 1969 года.

В течение нескольких месяцев после смерти жены Сахаров находился в тяжелом душевном состоянии, почти ни с кем не встречался и, казалось, полностью утратил интерес к общественным проблемам. На протяжении почти всего 1969 года мы не разговаривали с ним даже по телефону. Как раз во время этой депрессии и, несомненно, не без чьего-то не слишком доброго совета Сахаров решил передать государству все свои сбережения, а они были немалыми. Семья Сахаровых жила очень скромно, и основные ее нужды удовлетворялись за счет атомного ведомства. На сберкнижку шла не только значительная часть его очень большой зарплаты, но и все премии – Ленинская и государственные. К началу 1969 года сбережения Сахарова достигали почти 140 тысяч рублей – по тем временам это была очень большая сумма. (Семья научного работника могла вполне прилично жить на 300–400 рублей в месяц.)

Часть своих сбережений Сахаров перечислил в Красный Крест, другую часть – на строительство онкологического центра, третью часть – на улучшение питания в московских детских садах. Конечно, это был благородный и широкий жест или акт благотворительности и милосердия, но даритель не мог никак контролировать расходование своих денег. Только Красный Крест выразил Сахарову благодарность. А между тем в 1969 году в Советском Союзе уже существовали другие фонды: фонд помощи ученым, пострадавшим за убеждения, фонд помощи родственникам политзаключенных и др. Неудивительно, что Сахаров позднее очень сожалел о потере средств, с помощью которых он мог бы поддержать нуждающихся диссидентов, да и свои две семьи.

А. Д. Сахаров в 1970 году. Второй «меморандум»

Зимой 1969/1970 годов жизнь Сахарова начала входить в новую колею. Он получил работу в ФИАНе (Физический институт Академии наук СССР), во главе которого стоял тогда 78-летний академик Д. В. Скобельцын, один из основателей советской школы атомной физики. Это был очень крупный и известный ученый, но также в высшей степени лояльный к власти человек, не желавший вмешиваться в политику. Его отношение к Сахарову было довольно прохладным. Сам Андрей Дмитриевич был рад возможности заниматься теперь не военными разработками, а теоретической физикой, астрофизикой и космогонией. У него появилось несколько аспирантов. Еще раньше Сахаров говорил мне, что в теоретической физике он знает почти все. Но он вряд ли сделает какое-то новое открытие, так как новые направления в их науке открывают, как правило, молодые люди. «Но я лучше многих других, – замечал он, – могу оценить хорошую идею. Я могу работать с аспирантами». Теперь ему была предоставлена такая возможность.

Мы встречались в ту зиму не очень часто. Неожиданно ко мне на работу в Академию педагогических наук приехал один из знакомых Сахарова и от его имени показал мне анонимный машинописный текст с просьбой прочесть его и высказать свое мнение. Это был весьма обширный документ, в котором содержался краткий, но точный анализ экономической и политической ситуации в стране и предложения по демократизации советского строя. Документ мне понравился, и я спросил, как появился на свет и что означает прочитанный мною текст? В ответ я услышал, что это проект письма руководителям КПСС и СССР, что этот текст написан Сахаровым и Турчиным, и авторы просят меня в случае положительного отношения к документу отредактировать его, исправить возможные неточности или сделать добавления и передать обратно Андрею Дмитриевичу.

Я выполнил эту работу в течение недели. Позднее, когда этот документ, или «меморандум», получил широкую известность, некоторые из диссидентов подвергали его критике. При этом некоторые из наших оппонентов заявляли, что автором письма был «социалист Рой Медведев», который убедил «для большей весомости» подписать свое сочинение фамилиями Турчина и Сахарова. Особенно настаивал на такой версии Солженицын. В своих мемуарах

он в обычной для него стилистике утверждал, что «задержка сахаровского взлета значительно объясняется влиянием Роя Медведева, с кем сотрудничество отпечаталось на совместных документах узостью мысли». Но Сахаров скоро «выбьется из марксистских ущербоностей».

Этот отзыв задел и даже обидел Сахарова. Поэтому в своих мемуарах Андрей Дмитриевич посчитал необходимым подробно рассказать, с какой целью и каким образом они решили вместе с Турчиным подготовить свой «меморандум». Предполагалось, что его могли бы подписать 15–20 известных ученых и деятелей культуры. Но первые же люди, к которым они обратились, отказались поставить подпись под письмом, хотя и одобрили его содержание. «Мы с Турчиным, – свидетельствовал Сахаров, – поняли невозможность привлечь кого-либо для подписи и решили выпустить документ под своими подписями. Я был инициатором привлечения в качестве третьего Р. Медведева – мне казалось, что концепция его книги о демократизации (которую Рой тогда кончал) – близка к нашей. Так появился документ за тремя подписями. Но Рой Медведев не несет ответственности за якобы “соглашательский” дух документа, как думает Солженицын (“Теленок...”). Это была концепция “наведения мостов” Турчина, которую я принял. Медведеву принадлежит одна лишь редакционная правка. Подписав “Обращение”, мы пожали друг другу руки, и я сказал полушутя – теперь мы крепко повязаны, в случае чего будем друг друга вытягивать»⁴¹.

Новый «меморандум» имел форму обращения к руководителям СССР Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину и Н. В. Подгорному. После того как под окончательным вариантом письма были поставлены подписи, Сахаров написал от руки сопроводительное письмо, в котором говорилось, что мы будем ждать ответа в течение месяца. Если ответа не будет, то мы будем считать свое письмо «открытым» и сделаем его текст достоянием гласности. Ответа мы не получили, и через месяц второй «меморандум», отпечатанный в 25–30 экземплярах, был передан друзьям и знакомым для чтения и распространения.

Каких-либо попыток удержать Сахарова на этот раз не предпринималось. Напротив, Сахарова несколько позже пригласил к себе Президент АН СССР В. Келдыш, которому было, конечно, дано на этот счет соответствующее поручение. Келдыш был знаком с «письмом трех» и уверял собеседника, что он вполне разделяет его демократические убеждения. Но советский народ, по его словам, просто не готов к демократии. «Вы не представляете, – говорил Келдыш, – насколько плохо живут наши рабочие, крестьяне и служащие. И если завтра мы введем свободу печати и начнем проводить другие демократические реформы, то люди могут нас просто смести. Дать этим людям демократические права сегодня еще нельзя, надо сначала обеспечить им благосостояние».

Сахаров возразил: «Вы никогда не сможете дать этим людям благосостояние, так как при той системе, которая у нас существует, вы не сумеете это благосостояние создать». Несколько позднее Сахарова пригласил к себе и заведующий Отделом науки ЦК КПСС Сергей Трапезников. Человек крайне невежественный, явный сталинист, Трапезников был тогда одиозной фигурой среди ученых и творческой интеллигенции. Он был дважды провален на выборах в члены-корреспонденты Академии наук. Но он был добрым знакомым Брежнева по Молдавии, и пост в ЦК КПСС за ним был сохранен. Трапезникову важно было понравиться Сахарову, и он говорил с ним доверительно и почти во всем соглашался, предлагая организовать обсуждение предложений академика в одном из больших гуманитарных институтов. Сахаров ответил, что он согласен на обсуждение, но только при участии в нем Турчина и Медведева. Разумеется, никакого обсуждения нашего документа нигде не проводилось. Сахаров так и не смог понять, для чего его приглашали в кабинеты ЦК КПСС и поили здесь чаем.

Лишь через двадцать лет я узнал, что наше письмо не только дошло до адресатов, но было прочитано ими. Летом 1990 года мне сообщили, что из партийного архива было извлечено

⁴¹ Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 421–422.

это «письмо трех», и его предполагают даже опубликовать. По заметкам на тексте было видно, что с ним познакомились не только Брежнев, Косыгин и Подгорный, но и члены Политбюро К. Т. Мазуров, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко и А. Н. Шелепин. Оставил свой автограф на письме и К. У. Черненко. В самом конце 1990 года этот документ был опубликован в новом партийном журнале «Известия ЦК КПСС» (1990, № 11, с. 150–159). В справке об авторах говорилось, что В. Ф. Турчин эмигрировал в середине 70-х годов в США и работает профессором по вычислительной технике в Нью-Йоркском университете.

В 1970 году А. Д. Сахаров значительно расширил свои связи и контакты среди диссидентов разных направлений. Но в это же время некоторые из прежних знакомых перестали навещать опального академика и даже звонить по телефону. Из крупных физиков Сахаров сохранил связи, пожалуй, только с академиком И. Е. Таммом, который заведовал теоретическим отделом ФИАНа, но был также учителем и близким другом Сахарова. По просьбе Андрея Дмитриевича я однажды навестил Тамма в его загородном доме, он хотел прочесть один из наших документов. Тамм уже не мог ходить, но живо интересовался общественными делами в стране.

А вот неожиданных и непрошенных визитеров у Сахаровых было немало и в 1970 году. В большинстве случаев ему приходилось терпеливо выслушивать малозначительные, а еще чаще вздорные жалобы. Но было немало примеров, когда Андрей Дмитриевич принимал близко к сердцу проблемы того или иного несправедливо пострадавшего человека. В этом случае он или звонил по телефону кому-либо из власть имущих – у Сахарова еще сохранились номера телефонов весьма влиятельных лиц – или писал письмо в тот или иной «официальный» адрес. В то время он не оставлял себе копий своих писем и не передавал их в «самиздат», как делал позднее.

В самом начале 1970 года у Сахарова случился сердечный приступ, и ему пришлось лечь в больницу Академии наук. Мы с Турчиным навещали его здесь два или три раза. Андрей Дмитриевич не отличался здоровьем; часто болели и члены его семьи. Врачи считали, что пребывание и работа на «объекте» и участие в испытаниях ядерного оружия ослабили иммунную систему Сахарова. Даже небольшая простуда протекала у него тяжело. Но и в больнице он сохранял бодрость, говорил о себе и врачах с юмором и живо интересовался другими делами.

Борьба за освобождение Жореса

Сахаров провел в больнице больше месяца, но в мае 1970 года он был уже дома и активно включился как в научную работу, так и во все более увлекавшую его общественную деятельность. Однако сравнительно спокойное течение его жизни, а в еще большей степени и моей, было нарушено в самом конце мая, когда моего брата, ученого и публициста, автора научных монографий по биохимии и острых публицистических книг о судьбе советской науки, страдающей от множества ограничений, цензуры и произвола властей, неожиданно и с применением силы поместили в одно из отделений областной психиатрической больницы в Калуге.

Брат жил и работал в городе Обнинске Калужской области, и обо всем происшедшем я узнал из телефонного звонка его жены вечером 29 мая. Я тут же сообщил о происшедшем многим друзьям и знакомым; одним из первых мое сообщение получил А. Д. Сахаров. Он задал мне несколько вопросов, а потом медленно произнес: «Посмотрим».

История о том, как деятели советской интеллигенции боролись в течение трех недель за освобождение Жореса Медведева, была описана нами осенью того же года в небольшой книге «Кто сумасшедший?», которая вышла в свет на многих языках в 1971 году. В СССР она была опубликована только в 1989 году в журнале «Искусство кино» в качестве готового киносценария (№ 4 и 5). Но фильм так и не вышел: не так просто было подыскать артистов на роли Сахарова, Солженицына, Твардовского, Гранина, Капицы и других.

Это был первый крупный успех правозащитного движения и первое поражение властей. Сахаров в своих воспоминаниях называет этот случай исключительным. Андрей Дмитриевич не смог поехать в Калужскую больницу, как это делали другие; он был еще не совсем здоров. Но не ограничился и отправкой телеграмм протеста ко всем руководителям страны и в Министерство здравоохранения. Узнав, что 31 мая в Институте генетики АН СССР происходит большой международный семинар по биохимии и генетике, он пришел на заседание, поднялся к доске, на которой ученые во время докладов рисовали свои схемы и формулы, и написал объявление: «Я, Сахаров А. Д., собираю подписи под обращением в защиту биолога Жореса Медведева, насильно и незаконно помещенного в психиатрическую больницу за его публицистические выступления. Обращаться ко мне в перерыве заседания и по моему домашнему адресу». (Следовал адрес и телефон.) На самом семинаре подписи под этим обращением поставили немногие, но в ближайшие два-три дня число «подписантов» существенно возросло.

Остановить Сахарова, когда он считал нужным что-то сделать, было невозможно, в этом случае он уже никому не казался ни мягким, ни застенчивым. Узнав о том, что в конце июня в Риге будет международная конференция по биохимии, он сказал мне, что непременно туда поедет. «На конференцию приедут семь лауреатов Нобелевской премии, – говорил Сахаров. – Я академик, и меня обязаны пропускать на любую научную конференцию. Все это просто. На самолете я полечу в Ригу, выступлю и вернусь в Москву».

В дело Жореса вмешался сам Л. И. Брежнев. Он позвонил из своего кабинета в КГБ Ю. В. Андропову и министру здравоохранения Б. В. Петровскому и, не высказывая собственного мнения, просил «выяснить и доложить». Вначале это привело лишь к усилению разных форм давления на защитников Жореса. Писателей и ученых – членов партии начали вызывать в райкомы, даже Твардовскому попытались сделать строгое внушение. Специальная комиссия ведущих московских психиатров побывала в Калуге и после беседы с Жоресом Медведевым ужесточила диагноз, предложив перевести «пациента» для «лечения» в более далекую и строгую Казанскую тюремную психбольницу. Всех академиков, которые протестовали против принудительной психиатрической акции, пригласили 12 июня 1970 года на специальное совещание в кабинет Министра здравоохранения СССР. Здесь в присутствии министра директор Института судебной психиатрии Г. Морозов и главный психиатр Минздрава А. Снежневский сделали для пяти академиков специальный доклад о состоянии и достижениях советской психиатрии и отдельно – о «болезни» Ж. А. Медведева.

Разгорелась жесткая полемика. Сахаров был крайне резок, он с самого начала заявил, что не может считать данное совещание конфиденциальным. Что касается академика П. Л. Капицы, то он, по своему обыкновению, просто высмеивал и Петровского, и обоих докладчиков. «Всякий великий ученый, – замечал Капица, – должен быть немного ненормальным. Абсолютно нормальный человек никогда не сделает большого открытия в науке». «Разве психиатры так хорошо знают все другие науки, – добавлял Капица, – чтобы судить, что там разумно, а что неразумно? Эйнштейна тоже многие считали ненормальным...» Позднее мне рассказали об этом необычном совещании, которое длилось несколько часов, и Сахаров, и Капица. Ради шутки Петр Леонидович выставил оценки участникам. Академикам А. П. Александрову и Н. Н. Семенову он поставил оценку «три», а академикам Б. Астаурову и А. Д. Сахарову – «пять». Министр Петровский покинул это совещание с мрачным видом, он сдался первым. Продолжение акции означало для него потерю лица в Академии наук. И хотя психиатры отказались изменить свои диагнозы, 17 июня утром Жорес был освобожден. Вскоре после выхода из больницы он устроил в одном из ресторанов Москвы прием в честь иностранных корреспондентов, подробно освещавших все перипетии этой напряженной правозащитной кампании. Всех активных участников кампании протеста Жорес навестил персонально, чтобы выразить им свою благодарность. Сахаров был здесь одним из первых.

Никогда мои отношения с Андреем Дмитриевичем не были столь хорошими и доверительными, как в 1970 году. Неслучайно поэтому, что в ноябре 1970 года А. Д. Сахаров был одним из почетных гостей на нашем с братом Жоресом семейном празднике – мы отмечали в кругу друзей свое 45-летие.

Комитет прав человека

Еще в 1969 году я познакомился с Валерием Чалидзе, одним из участников правозащитного движения. Физик по профессии и образованию, Чалидзе основательно изучил советское гражданское и уголовное законодательство и вскоре стал неофициальным юридическим советником для многих диссидентов. Еще в 1968 году основал машинописный журнал «Общественные проблемы», в котором публиковались статьи по юридическим вопросам; многие из этих статей и аналитических записок принадлежали перу самого редактора журнала. Новое самиздатское издание было довольно скучным и поэтому не получило широкого распространения. Однако сам Чалидзе оказался крайне привлекательным человеком. Его отличала скрупулезная точность и честность во всех делах и высказываниях, благожелательность, даже душевность – черты характера не столь уж частые в нашей диссидентской среде. Он был готов выслушать и дать совет любому. Жил Чалидзе в большой однокомнатной квартире; он еще не был тогда женат, и в его комнате царил некий художественный беспорядок. Сам Валерий принимал посетителей, сидя на большом диване; на стене был большой ковер, здесь же висели несколько старинных сабель и кинжалов.

Я познакомил А. Д. Сахарова с журналом Чалидзе, а вскоре они познакомились и лично. По характеру и стилю поведения Сахаров и Чалидзе были в чем-то похожи друг на друга, и между ними возникли весьма теплые дружеские отношения. Андрей Дмитриевич часто приезжал на квартиру к Валерию, они общались часами, и именно здесь с Сахаровым познакомились многие диссиденты. Сахаров во второй половине 1970 года расширил не только свои связи с самыми разными людьми и группами, но и свою правозащитную деятельность.

Осенью 1970 года Чалидзе предложил Сахарову образовать Комитет прав человека. Валерий подчеркивал, что речь будет идти не о Комитете защиты, а о комитете, который будет изучать различные юридические аспекты проблемы прав человека в условиях советской действительности. Андрей Дмитриевич сначала сомневался, но вскоре согласился. Лично я отказывался в то время входить в какие-либо диссидентские структуры, полагая, что неформальные и неофициальные связи лучше защищают нас, чем какие-либо формальные организации. Но в Комитет прав согласился войти молодой физик из Института информации АН СССР Андрей Твердохлебов, и 4 ноября 1970 года было объявлено о создании Комитета прав человека. В первую очередь благодаря участию Сахарова, об этом событии много писали в западных газетах, были также подробные сообщения о Комитете по различным «радиоголосам».

Я принимал участие только в двух заседаниях Комитета – в самом конце 1970 и в начале 1971 года. Одно из этих заседаний было посвящено различным аспектам принудительных психиатрических госпитализаций, и Валерий Чалидзе попросил меня сделать у них специальный доклад, который я напечатал на машинке. Пришлось прочесть несколько книг и учебников по психиатрии и разного рода нормативные материалы, в том числе и для «служебного пользования». Это была полезная работа. Для меня было неожиданным узнать о полемике между разными школами в психиатрии. Было очевидно, что и советская психиатрия прошла через многие из тех испытаний, через которые прошла биология во времена Лысенко, и что многие концепции этой психиатрической лысенковщины здесь еще не были изжиты.

Между различными направлениями в психиатрии продолжались весьма острые дискуссии, но они оставались за пределами внимания других членов советского научного сообщества. Так, ленинградская школа психиатрии не признавала многих концепций и догм москов-

ской школы и оспаривала само понятие «вялотекущей шизофрении», которое использовалось как диагноз в борьбе против диссидентов. Я сделал для Комитета доклад, оговорившись, конечно, что не являюсь специалистом и руководствуюсь лишь некоторыми общими познаниями, логикой и здравым смыслом. В обсуждении приняли участие не только все члены Комитета, но и приглашенные; это были Игорь Шафаревич, Владимир Буковский, Александр Есенин-Вольпин и некоторые другие. Очень активен был и А. Д. Сахаров. Никто не думал о регламенте, все говорили столько, сколько считали нужным, и заседание кончилось уже после полуночи.

Для Сахарова работа в Комитете прав человека становилась все более трудным и хлопотливым делом. Все, кто прослышал об этом Комитете, воспринимали его именно как Комитет по защите прав человека. В результате поток людей, которые хотели изложить свои проблемы не Твердохлебову, а лично Сахарову, увеличился в несколько раз. Но Сахаров ничем помочь этим людям не мог, а с большинством он даже не мог встретиться и поговорить. У людей, которые приезжали в Москву из других городов, это вызывало разочарование и раздражение. Но и Сахарова угнетала необходимость уклоняться от многих встреч. По одному из громких дел конца 1970 года – так называемому «самолетному делу» – Сахаров хотел попасть на прием к Л. И. Брежневу, но это оказалось невозможным. В 1970–1971 годах перестал принимать Сахарова и Президент АН СССР М. В. Келдыш.

А. Д. Сахаров в 1971 году

Зимой и весной 1971 года я встречался с А. Д. Сахаровым всего несколько раз, и мне мало что запомнилось из этих встреч. Интерес Сахарова к разного рода теоретическим проблемам демократического социализма, к юридическим проблемам и к проблемам советской истории стал ослабевать. Я же, напротив, углубился в начале 70-х годов в изучение событий 1917-го и весны 1918 годов, а затем и истории гражданской войны.

Андрей Дмитриевич прекратил в это время свои попытки создать какую-то новую концепцию общественного развития, основанную на идеях конвергенции. Он подвел итоги своим размышлениям в специальной «Памятной записке», которая была написана в январе-феврале 1971 года и отправлена Л. И. Брежневу 5 марта. Еще через полтора года – в июне 1972-го – Сахаров написал к этой «Памятной записке» пространное «Послесловие» и передал все это и в ЦК КПСС, и в «самиздат». Новых идей и предложений здесь почти не было, и поэтому «Послесловие» мало комментировалось в диссидентских кругах и в западной печати. Отныне большую часть своего времени и сил Сахаров стал отдавать участию в разного рода конкретных правозащитных кампаниях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.